

ДЕТЕКТИВ & ЗАГАДКА

Наталья АНДРЕЕВА

Я стану тобой

Наталья Вячеславовна Андреева

Я стану тобой

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=437635

Я стану тобой: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-44673-5

Аннотация

Этот человек знал великую тайну. Тайну смерти. Знал то, чего другие избегают до самого последнего момента, все еще веря, что и этот вздох не последний. А он знал. Ему было все равно, жить или умереть. Он сумел победить в себе страх смерти. Он видел, как умирают, и однажды почти уже умер сам. И заставить его поделиться этой тайной не мог никто. Никакими силами и уговорами. Это могло случиться только по доброй воле. По его желанию, из снисхождения к жалким людишкам, которые не хотят приобщаться к вечному до самого последнего вздоха и так боятся Избранных. Тех посвященных в тайну смерти, кто мог бы им помочь... Освободить и их от этого страха.

Содержание

Конец марта	4
Месяцем раньше	12
Дом у дороги	32
Незваные гости	54
Экспериментальный метод	78
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Наталья Андреева

Я стану тобой

Посвящаю моему сыну Роману, автору идеи этой книги

Процесс терапии начинается с того, что врач пытается побудить пациента к сотрудничеству, то есть сформировать с ним терапевтический альянс. В определенном смысле терапевт и клиент являются собой «команду»... Вместе они пытаются определить, что и как думает пациент, на чем основаны его мысли, какие выводы он извлекает и что теряет в результате этого. Уникальный вклад пациента заключается в том, что он предоставляет исходные данные для исследования, а именно – сообщает терапевту о своих мыслях, чувствах и желаниях...

Психотерапия: новейший справочник практического психолога

Конец марта

Двое мужчин в белых халатах приникли к монитору. На экране они видели больничную палату, а точнее, полностью изолированный бокс, где находился лишь один, но такой важный для них пациент. Стены старого, еще дореволюци-

онной постройке здания, пережившего свое второе рождение после капитального ремонта, были толстые, плохо пропускали звук, узкие окна забраны решетками. Уже не один десяток лет здесь находилась психиатрическая больница, а раньше был купеческий особняк. Его первый хозяин, заказавший архитектору этот проект, прослыл человеком чрезвычайно удачливым в делах, он был владельцем огромного состояния, но со странностями. А под конец жизни и вовсе выжил из ума, отгрохав себе по сути крепость вдали от города, от людей, с окнами, похожими на бойницы, словно в ожидании длительной осады. Сумасшедший миллионер бродил по огромному дому, повсюду зажигая свет, и искал подосланных сыновьями убийц. Наследники же избегали здесь появляться, особняк отца внушал им ужас и представлялся мрачной тюрьмой, где была добровольно заперта его страдающая душа. Предначертание свершилось: теперь эти стены стали тюрьмой для десятков людей, страдающих психическими расстройствами.

Этого пациента держали отдельно от других, и за ним велось круглосуточное наблюдение. Один из врачей, замерших у монитора, был только что назначен главным врачом больницы, другой – заведующим отделением.

Мужчина, на которого они смотрели не отрываясь, словно что-то почувствовал. Он был высокий, темноволосый и статный, но с таким усталым, измученным лицом, что невольно вызывал жалость. Пациент вдруг лег на кровать, подтя-

нул колени к груди, скрючился, закрыл глаза и замер. Прошло минут пять, наблюдатели терпеливо ждали. Мужчина не двигался и не открывал глаз. Время тянулось медленно. Еще несколько минут гнетущей тишины, и все то же. Лежащий на кровати не подавал признаков жизни. Тот, что постарше, новоиспеченный главврач, разочарованно вздохнул и повернулся к своему молодому коллеге:

– Что скажешь, Миша?

– Состояние стабильное. Не буйнит, не требует адвоката. Послушно принимает все назначенные лекарства. Хотя с этим надо завязывать, иначе мы его потеряем.

– А есть шанс?

– Шанс всегда есть.

– Так работать надо!

– А мы и работаем, – пожал плечами Миша. – Делаем все, что можем, но случай весьма сложный. Он не простой пациент, сами знаете. Прекрасно знаком с нашими методами работы, все наши ходы просчитывает, смотрит мне в глаза и будто насквозь видит. Иногда мне даже кажется, что он только прикидывается сумасшедшим.

– А по-хорошему пробовали? Уговорить его сотрудничать, вступить в контакт. По-человечески.

– Он не идет на контакт. Замкнулся в себе. Да вы и сами все видите, – заведением кивнул на монитор. Мужчина, все так же скрючившись, лежал на кровати, не шелохнувшись.

– На меня давят, – пожаловался вдруг главврач. – Давит мое непосредственное начальство, давит прокурор, мэр. Город взбудоражен. А что я могу? Вся ответственность лежит на мне, а я главврач-то без году неделя! Никакого опыта. И с ним, – он посмотрел в монитор, – раньше никогда не работал. Меня сюда назначили переводом, не спрашивая, хочу, не хочу. Если бы можно было вскрыть его череп и вытащить оттуда необходимую нам информацию, я бы и на это пошел.

– Зачем вы так? Он же человек.

– Был когда-то человеком. А сейчас... Псих он. Просто псих.

– Вам не кажется, что это непрофессионально?

– Учить меня будешь, мальчишка?

– Мы с вами на брудершафт не пили. – Миша весь подобрался, готовый дать новому начальнику отпор. Иначе так и пойдет. Разок дашь слабинку и навсегда останешься мальчиком для битья. – Я тоже могу переводом. В обычную больницу, в отделение психоневрологии. Мне уже предлагали. Хороших врачей в городе мало, а уж психиатров по пальцам можно пересчитать. И тогда сами с ним валандайтесь.

– Ладно, извини... те.

– Бывает... Не надо так нервничать. Случай сложный, но и обстоятельства соответствующие... – Миша сделал паузу и вдруг очень тихо, почти шепотом сказал: – Те, кто там был, говорят, что теперь они знают, как выглядит ад.

– Можно без пафоса, – поморщился главврач.

– Четыре трупа... Один в таком виде, что... – Миша судорожно сглотнул. – В доме, занесенном снегом... Говорят, она такая алая, кровь, когда на белом, только что выпавшем снегу... Я никогда не видел. На снегу.

– Я же просил: без пафоса! – повысил голос начальник. – Черт знает что! От этого и впрямь свихнуться можно! А нам работать надо! Работать! Городок маленький, тихий, а тут такое ЧП! Население взбудоражено, требует ответа: что там произошло, в том загадочном доме? Как мы это допустили? Нас могут закрыть, понимаешь? Разогнать к чертовой матери. А что тут скажешь? Заслужили! Активисты готовят митинг протеста у здания горкома.

– Так горкома-то теперь нет! – хитро прищурился Миша, которому уже не довелось быть комсомольцем.

– Ну, как его там? Здание городской администрации! Мы должны рассказать людям, что там произошло. Успокоить их. Объяснить. Откуда трупы, кто убил и почему. А ключ у него в голове, – главврач кивнул на монитор. – И как его раскодировать, это послание? А?

– Лечить, – коротко ответил коллега.

– Но время-то идет! А он лежит себе, молчит. Может, как-нибудь иначе? По-другому?

– Пробовали иначе. Перевели в обычную палату. Думали, среди людей он хоть что-нибудь вспомнит, оказавшись в привычной ему обстановке. В первый же день, идя на сеанс групповой психотерапии, которые мы с недавних пор прак-

тикуем в качестве, так сказать, эксперимента, он попытался разбить окно. Бросился на решетку с разбега. Еле успели перехватить. Похоже, пытался добыть осколок стекла, чтобы вскрыть себе вены. С головой у него и так не в порядке. Он сильно ударился. В общем, усугубил.

– Попытка самоубийства? Раньше за ним такого вроде не замечалось?

– Раньше за ним много чего не замечалось. Теперь он находится под круглосуточным наблюдением в спецпалате без окон, со стенами, о которые невозможно разбить голову, один, ведет себя спокойно. Но персонал требует особых мер безопасности. Они боятся.

– Чего?

– Он же маньяк, – усмехнулся заведующий. – Единственная фраза, которую он без конца повторяет: «Я Тычковский». А то лежит и молчит, вот как сейчас.

– А остальные? – всем корпусом повернулся к нему главврач. – Люди, которые почти двое суток провели вместе с ним в том ужасном месте? Тьфу! Сам заговорил, как какой-нибудь репортеришка! «Кровавый маньяк», «ужасное место», «гора трупов», – передразнил он. – Они как? Может, с ними поработать?

– Еще хуже. Все говорят одно и то же: я убил. Или убила. В один голос. Следователь руками разводит. Обычно все отпираются. Все кричат: я не убивал! Только не я! Валят друг на друга. А у нас все убийцы и ни одного свидетеля. Они все

могли, понимаете? Таковы выводы предварительного следствия. Они все могли убить.

В этот момент мужчина, лежащий на кровати, открыл глаза. Потом резко сел и посмотрел в глазок видеокамеры, находящейся под самым потолком.

– Миша, ты видишь? – восторженно воскликнул главный врач. – Что это значит?

– Похоже, он готов вступить в контакт.

– Кто пойдет?

– Давайте я, – вызвался Миша.

– Поаккуратнее с ним, слышишь?

– Это в каком смысле?

– Во всех. Я скажу санитарам, чтобы были наготове. Пойдешь один: его нельзя спугнуть, а мы будем тебя страховать. Лишь бы он заговорил. Этот миф надо развеять. Миф о кровавом маньяке, массовом убийце. Город должен знать, что ситуация полностью под контролем.

– Понял. Пошел.

Завотделением направился к выходу. Лицо у него было сосредоточенное.

– Постой... Ты знал его раньше? До того как... До всех этих событий, в общем.

– Немного. – Миша замер в дверях.

– Говорят, он был в близких отношениях с моей предшественницей. С Абрамовой!

– Мало ли что говорят.

– Выходят, сплетни?

– Я им свечку не держал.

– Ладно, иди.

Когда Миша вышел, главврач вновь приник к монитору. Темноволосый мужчина все так же сидел на кровати. Он, похоже, ждал. Его взгляд по-прежнему был направлен в глазок видеокамеры. Главврач поймал этот взгляд и невольно pokrылся холодным потом. На него смотрела бездна. Это было не безумие, скорее простое безразличие ко всему, что происходит вокруг, и полный уход в себя, сосредоточенность на глубинных процессах, происходящих в душе.

Этот человек знал великую тайну. Тайну смерти. Знал то, чего другие избегают узнать до самого последнего момента, все еще веря, что и этот вздох не последний. А он знал. Ему было все равно, жить или умереть. Он сумел победить в себе страх смерти. Он видел, как умирают, и однажды почти уже умер сам. И заставить его поделиться этой тайной не мог никто. Никакими силами и уговорами. Это могло случиться только по доброй воле. По его желанию, из снисхождения к жалким людишкам, которые не хотят приобщаться к вечному до самого последнего вздоха и так боятся Избранных. Тех посвященных в тайну смерти, кто мог бы им помочь. Освободить и их от этого страха.

Месяцем раньше

Побег

С раннего утра по местному радио передавали штормовое предупреждение. Дикторы взволнованными голосами сообщали, что порывы ветра будут достигать пятнадцати метров в секунду, а к вечеру поднимется метель. И какая метель! Город завалит снегом, поэтому жителям рекомендуется без особой надобности из дома не выходить, и уж тем более не выезжать. Машины надежнее будет оставить в гараже или на стоянке, чем бросать потом на дороге на произвол судьбы.

Такой зимы не помнили даже старожилы: оттепели не было вот уже больше месяца, зато снега намело на пять прежних зим! Коммунальные службы задыхались под его неимоверной тяжестью, техника часто выходила из строя, а конца-краю этому снежному аду видно не было. Природа словно обезумела, из ласковой домашней кошечки превратившись в разъяренную пантеру. Теперь ее звериные повадки внушали страх и уважение. Людям оставалось только ждать перемен к лучшему и пытаться предотвратить худшее.

И на этот раз прогноз не ошибся: за окнами голодным волком выл ветер, грыз провода, шатал деревянные столбы, которые давно уже пора было заменить надежными бетонными опорами, с остервенением набрасывался на кровлю, пы-

таясь ее сорвать и растащить на клочки. И так же тоскливо, по-звериному, были запертые в этих стенах люди, пациенты психиатрического стационара. Чувство тревоги, и без того у них обостренное, многократно усиливалось в такую неустойчивую погоду, равно как и желание совершить безумный поступок, пойти на поводу у своих бредовых фантазий, что-нибудь разбить, сломать, сокрушить. Убить, если это враг или тот, кто кажется врагом. А еще лучше вырваться на свободу и там уже беспрепятственно творить что вздумается. Заканчивался февраль, весна была совсем близко, и это беспокоило пациентов, будоражило их больное воображение. Даже те, кто считался стабильным, теперь внушали лечащим врачам опасение. В такое время персоналу приходилось несладко, и к вечеру все буквально валились с ног.

Дмитрию Александровичу Кибе тоже было тревожно. Его рабочий день заканчивался, и слава богу, без происшествий. Буянов «загрузили», кого – просто увеличив дозы, а кого и с применением силы, прикрутив ремнями к койкам, и он мог теперь с чистой совестью ехать домой. Но что-то его беспокоило. Мысленно он перебирал всех своих пациентов: не дали где слабинку? Все ли предусмотрел? В эдакую погоду только сумасшедший решится на побег, но дело в том, что здесь все такие. Ну, почти все. Притворщиков он давно уже раскусил и взял на особый учет.

«Тычковский», – вдруг вспомнил он. Человек-загадка. Иногда Кибе, врачу-психиатру с многолетним стажем, ка-

залось, что Тычковский только прикидывается сумасшедшим. Ему ведь грозил пожизненный срок за изнасилования и убийства, совершенные с особой жестокостью. Доказать смогли три эпизода, но никто не сомневался, что жертв было гораздо больше. Психиатрическая экспертиза признала Владимира Тычковского невменяемым и отправила на принудительное лечение в психиатрическом стационаре специального типа. То есть под усиленной охраной и особым наблюдением врачей.

Такой стационар лет десять назад был создан на базе психиатрической больницы, где теперь работал Дмитрий Киба. Раньше он жил в другом городе, гораздо дальше от столицы, и здесь не планировал надолго задержаться. Провинция есть провинция. Дети вырастут, им надо дать достойное образование, да и самому хватит прозябать. Он рвался в Москву, но жена неожиданно тут прижилась. За какой-нибудь год обзавелась подружками, ей сосватали лучшего в городе косметолога и самого модного мастера по маникюру, затащили на занятия йогой, записали в элитный дамский клуб, который назывался «Клуб для успешных женщин». И Верочка просто расцвела. Ее, домохозяйку, признали успешной! Киба помнил, как плакала жена, согласившись на переезд, когда он сказал, что это ненадолго, а сейчас говорила: «Погоди, вот Саша окончит школу...» Приходилось терпеть, хотя больница Кибе не нравилась. Из-за этого треклятого спецстационара для уголовников. Опасное соседство.

Там было сто пятьдесят коек, дополнительный персонал, прошедший специальное обучение, служба обеспечения безопасности, наружная охрана с грозными и безжалостными собаками. В общем, тюрьма при тюрьме. Пять с половиной лет назад сюда поступил Владимир Тычковский. Киба, который работал в стационаре общего типа, поначалу дела с ним не имел, но был о нем наслышан.

Дело в том, что Тычковский даже внешне не походил на маньяка-убийцу. Во всяком случае, на тот образ, который сформировался у обывателя благодаря заполонившим экран кровавым триллерам и мрачным газетным статьям, где маньяки выглядели просто омерзительно. Да что там! Это были нелюди, к которым при одном только взгляде на них начинаешь испытывать отвращение. И внешность обязательно должна выдавать в них маньяка. Низкий лоб, угрюмый взгляд, нервозность, нелюдимость, ну и так далее.

У Тычковского же было открытое лицо с правильными чертами, можно даже сказать, красивое, ясный взгляд, широкая улыбка. Движения обычно спокойные, плавные, речь грамотная, убедительная. К тому же он оказался человеком на редкость обаятельным и покладистым. Не буянил, не матерился, беспрекословно выполнял все предписания врачей, покорно сносил неизбежную в таких местах жестокость охраны и младшего медперсонала, ни разу не дал отпор, следовательно, не получал убойную дозу лекарства или электрический разряд, способный поджарить мозги так, что память

отшибло бы начисто. За пять лет в этом аду Тычковский сумел остаться человеком, так, во всяком случае, казалось со стороны.

И за эти же пять лет он умудрился снискать расположение заведующей спецстационаром Маргариты Павловны Абрамовой, дамы мужеподобной, властной, жестокой и не отличающейся ни сентиментальностью, ни склонностью к какому бы то ни было проявлению чувств вообще. Но, как это часто бывает, при таком жестком характере и к тому же облеченная властью женщина обречена на одиночество. Со временем ее начинает точить тоска. Ей ведь тоже хочется побыть женой или возлюбленной, но кто ж ее такую рядом с собой потерпит? Командный голос, непривлекательная внешность, неизменная сигарета во рту, неумение вести домашнее хозяйство, казарменная обстановка в квартире, из еды только полуфабрикаты – надо все это уставшему мужчине, который приходит домой с работы? Ему нужны любовь и ласка. Нежность. Внимание к его работе и проблемам, а не бесконечные рассказы о своих, которые растут как снежный ком при такой-то должности! Маргариту Павловну мужчины откровенно побаивались, и до сих пор героя романа для Абрамовой не нашлось. Ей явно не хватало любви, хотя она изо всех сил это скрывала.

Видимо, Тычковский это почувствовал. Он великолепно разбирался в женской психологии, его жертвы шли в расставленную им ловушку, словно под гипнозом. Он прекрас-

но знал, чем поразить, удивить, заинтриговать, как к себе расположить. Подобрал он ключик и к сердцу грозной начальницы. Маргарита Павловна взялась лечить Владимира Тычковского с особым рвением. А через пять лет она поднялась вверх по служебной лестнице, стала главврачом всей больницы, обросла связями. И, используя свое влияние, убедил коллег подать представление в областной суд о переводе Тычковского в стационар общего типа, приведя неоспоримые доводы о его стабильном состоянии. Суд, у которого к психиатрам было особое отношение, счел эти доводы вполне убедительными. Тычковского из-под охраны и усиленного наблюдения перевели в обычную больницу, где был вполне свободный режим и не имелось спецперсонала. И все отнеслось к этому вполне нормально, ведь за прошедшие годы у пациента не было отмечено ни малейшего признака агрессии.

Так врач-психиатр Киба лично познакомился с Владимиром Тычковским. И первым делом усомнился в его диагнозе. Потом усомнился в себе, в своих знаниях и опыте. Перед ним был человек-загадка. Владимир Тычковский вовсе не старался «косить» под психа, напротив, говорил грамотно, вполне осмысленно, был начитан, эрудирован, пациенты меж собой даже звали его уважительно – «Профессор». Он так старался походить на нормального человека, что в голову Кибы волей-неволей закрадывалась мысль, что Владимир Тычковский относится к категории наиболее слож-

ных пациентов, умных, терпеливых, наблюдательных, тонко чувствующих людей, в том числе и лечащих их врачей. Последних Профессор, едва почувствовав слабость, переигрывал влегкую, заставляя их делать то, что ему хочется, как это случилось с Абрамовой. Причем болен он был неизлечимо, и, несмотря на все старания психиатров, той же Маргариты Павловны, рано или поздно должен был случиться рецидив болезни. «И это будет страшно», – думал Киба. Неужели опытный врач, заведующая психиатрической больницей, этого не видит и не понимает?

Стабильное же его состояние выражается в том, по мнению Кибы, что Тычковский терпеливо ждет своего часа, он затаился, полностью себя контролирует, но это хитрость безумца, маньяка-убийцы, который выбрал себе жертву и запасся терпением на многие годы. И непонятно, что его на это сподвигнет. Пистолет заряжен, курок взведен, жертва назначена. Киба не сомневался: Тычковский выбрал Маргариту Павловну. Это может случиться сейчас, а может еще через пять лет или даже через десять. Но держать его необходимо под особым контролем.

«Надо сказать Рите», – подумал Киба. Абрамова была ненамного старше его, к тому же в приятельских с ним и его женой Верочкой отношениях, они жили в одном подъезде, иногда заходили друг к другу в гости, поэтому Киба мог позволить себе называть грозную начальницу просто Ритой. В больнице даже ходила сплетня, что Абрамова его любовни-

ца. Мол, запираются в кабинете, сидят там часами, неизвестно чем занимаются. А они просто работали. И вовсе не так долго, как всем казалось. Но у сплетни глаза велики, а уши размером со спутниковые тарелки-антенны, принимают не один десяток каналов и одновременно транслируют увиденное в больнице на весь город, безбожно перевирая. Хорошо, что Верочка Киба женщина умная и полностью доверяет мужу.

Представив, как он обнимает дебелую Абрамову и валит ее на диван, чтобы заняться с ней любовью, Киба невольно улыбнулся. Его Верочка была женщиной хрупкой, изящной, с огромными печальными глазами лани. Тип женщин, который всегда нравился Кибе и коему Маргарита Павловна никак не соответствовала. И они с Верочкой до сих пор друг в друга влюблены, словно молодожены. Киба был абсолютно счастлив в браке, жена умница и красавица, двое сыновей его только радовали, один уже учился на первом курсе медицинского в Москве, другой в седьмом классе гимназии – самом престижном учебном заведении города. Для сыновей Киба ничего не жалел, да и для обожаемой Верочки тоже.

– Я еду домой. Где Маргарита Павловна? – спросил Дмитрий Александрович у Оли, юной хорошенькой медсестры, которой явно здесь было не место. «Уйдет», – подумал Киба, глядя на ее милое лицо с родинкой на левой щеке.

– Она у себя в кабинете с Володей.

– С каким Володей?!

– Я хотела сказать – с Тычковским, – порозовела медсестра. – Она решила изменить его лечение.

– Ты-то откуда знаешь?

– Маргарита Павловна сказала. – Оля стала бордовой, как вареная свекла.

– С каких это пор Абрамова с тобой откровенничает?

Он не стал больше слушать глупенькую Олю, стремительно прошел в левое крыло, где находился кабинет главврача. Здание больницы было старое, еще дореволюционной постройки, расположенное буквой «П». В левое крыло вход разрешен только персоналу. Вообще-то это против правил – пускать сюда Тычковского. Пациенты не должны здесь находиться. В конце длинного коридора есть черный ход, который почти не охраняется, ключи от его двери, как и от всех прочих, есть у Абрамовой. Для проныры Тычковского, похоже, везде сделаны исключения. Вот до чего дошло! Абрамова откровенничает с какой-то медсестрой о своем романе с пациентом! Они хотя бы почитали постановление суда! И газетные статьи, где журналисты с наслаждением заядлых любителей сенсаций смаковали кровавые подробности!

Тычковский любил кровь, в этом заключалась его особенность. Мало того, у него было какое-то извращенное пристрастие к запаху свежей крови, к ее цвету, а главное, к ее количеству. Места его преступлений были буквально залиты кровью. Это удовлетворяло его потребность в мести всему женскому полу, в жажде убийства, жажде власти над на-

смерть перепуганной беззащитной жертвой. Поистине, не видя, не верим. Женщины слабы, жалостливы. Небось думают, что произошла судебная ошибка и в психиатрическую лечебницу засадили не того. Ошибка, как же!

Киба вот уже полгода работал с Тычковским и сделал для себя потрясающее открытие. А может, и не только для себя, но и для науки, он просто об этом еще не задумывался. У Тычковского была излишне активна система награды мозга. Любой человек, поставив перед собой цель и добившись ее, испытывает удовольствие. Но степень этого удовольствия далеко не одинакова, потому что мозг разных людей устроен по-разному, он так же индивидуален, как отпечатки пальцев. Одни относятся к полученному результату спокойно: ну, добился и добился, что ж, пойду дальше, к новой цели. А другие впадают в щенячий восторг и надолго тормозятся. Надо же! Я этого добился! Я гений! Я великий!

Процессы, происходящие в мозгу у Владимира Тычковского, по мнению Кибы, имели явные отклонения от нормы. Это выявилось в результате долгих бесед с пациентом, который охотно шел на контакт. Похоже, Тычковского это развлекало. Киба слушал его с интересом, все больше убеждаясь: у пациента – аномалия головного мозга, скорее всего, врожденная или являющаяся последствием родовой травмы. Этого теперь не узнаешь, карта из детской поликлиники давно утеряна, а мать Владимира Тычковского умерла от обширного инфаркта вскоре после того, как узнала о сыне

ужасную правду, еще до суда над ним. Спросить не у кого, хотя случай с точки зрения медицины весьма интересный. Тычковский стремился сделать нечто из ряда вон выходящее, на что никто больше не способен, этого требует его больной мозг. А что такого может сделать человек, никакими талантами природой не одаренный? Он, конечно, не глуп, много читает, имеет хорошую память, но сколько вокруг ему подобных? И как утвердиться в собственном величии? Оказаться на вершине блаженства?

И он нашел-таки способ. Да, на это способен далеко не каждый. Кровавые маньяки, да еще с изюминкой, моментально становятся героями журналистских романов, продолжающихся из номера в номер, пока читатели совсем не потеряют к ним интерес. Ни один благородный поступок не получает такую прессу, спаси ты из бушующих волн хоть роту утопающих или нарожай с десяток детишек, дай им образование и выведи в люди. Вряд ли столь подробно будут разбирать твое детство, юность, школьные романы, брать интервью у твоих учителей и соседей, анализировать твои поступки на протяжении всей жизни. Во всяком случае, недолго, ну, напишут заметку и разместят где-нибудь в разделе «События за день», в самом углу. А вот маньяка журналисты ведут до суда, потом до тюрьмы, потом приезжают в тюрьму, следят за тем, как он пишет опус о том, как убивал. Ругают, конечно, при этом и осуждают. Но уже сложился стереотип: смотреть, читать и слушать надо то, что все ругают, это не

скучно в отличие от того, что все хвалят. Тычковский это просек, и жертвы мигом нашлись. Он ведь был хорош собой и умел красиво говорить. Что еще надо женщине?

Получив удовольствие от очередного убийства, Владимир Тычковский впадал в состояние эйфории. Причем чем больше было при этом риска, тем сильнее ощущалась награда, то есть эйфория. Зато чувство страха оказалось нивелировано: Тычковский не боялся, что за совершенное преступление его сурово покарают. Ему было все равно. Он готов был искать удовольствия любой ценой, а в случае с Абрамовой дожидаться годами, проявив неординарную выдержку и терпение, чтобы потом испытать настоящий взрыв эмоций. Оказаться на пике блаженства.

Киба, чувствуя тревогу, постучался в дверь кабинета с табличкой «Абрамова Маргарита Павловна, главный врач». Эта дверь в длинном ряду безликих белых дверей была последней. Вообще-то стучаться здесь, в медицинском учреждении, было против правил, но Кибе не хотелось стать свидетелем неприятной сцены. Кто знает, как далеко у них зашло?

– Рита! Маргарита Павловна! Я сдал смену и еду домой!

Кстати, и ее рабочий день уже закончен. Больные отужинали и обрели временный покой в своих кроватях с панцирными сетками, кто добровольно, а кто принудительно, на улице давно стемнело. Но, видимо, Тычковский – особый случай. Ради него можно и задержаться.

– Маргарита Павловна!

И вдруг он похолодел. На двери, чуть выше медной ручки, Киба увидел кровавый отпечаток пальца. Он почему-то сразу решил, что это кровь. Отпечаток был оставлен явно намеренно. Взгляд скользнул ниже, и Кибе стало совсем не по себе: кровь была и здесь. Боясь коснуться заляпанной ручки, Дмитрий Александрович плечом толкнул дверь. Она оказалась не заперта. Увиденное повергло Кибу в такой шок, что он невольно задержал дыхание и сделал два шага назад.

Весь кабинет Абрамовой был залит кровью. Стены забрызганы, обивка мебели испорчена, пол в кровавых пятнах. Ее было так много, что это казалось невероятным: как может быть столько крови в одном человеке? Грузное тело Маргариты Павловны лежало на полу, у стоящего в углу дивана. Рядом с ним валялись осколки синей чашки. Киба прекрасно помнил эту чашку. Милая глупость, а что еще дарить дамам на Восьмое марта? Дамы думали так же и о 23 февраля. У него была чашка с надписью «Дима». А у Абрамовой – «Рита».

Тычковский кромсал ее дородное белое тело острым осколком синей чашки. Это было против всяких правил: приводить его сюда, доверять ему, пить с ним чай из обычных чашек. Она не должна была так поступать. Киба шел, чтобы ее предупредить, но... Опоздал...

«Рита, Рита, как же так? Почему? И как я теперь буду здесь без тебя?» Он с тоской подумал, что потерял чуть ли

не единственного друга в этом городе. Городе, который хоть и принял его, но так и не стал второй родиной. Все равно чужой. И люди здесь... Просто люди. А с Ритой они могли разговаривать часами, отсюда и сплетни. Но они только разговаривали, и пили крепчайший кофе из этих самых чашек, синих с золотыми буквами. У него «Дима», у нее «Рита». Она обожала черный, как южная ночь, ароматный кофе из больших чашек и пила его «вприкуску» с такой же крепкой сигаретой. Так не по-женски, но зато процесс сопровождался остроумными замечаниями в адрес персонала вверенной ей больницы и пациентов. Из-за Маргариты Павловны и этих вечерних посиделок он с радостью ходил на работу. Теперь осколки «Риты» валяются на полу, в луже крови. Жаль. Очень жаль.

Киба обрел наконец способность дышать и шагнул в кабинет. Подойдя к лежащему на полу телу, он первым делом стыдливо одернул задравшуюся юбку. Маргарита Павловна почему-то была не в белом медицинском халате, а в юбке и нарядной кофточке. Она хотела любви. Что ж, она ее получила.

Киба посмотрел на свои руки и вздрогнул: они были в крови. И ботинки тоже испачкались. Он торопливо стал вытирать руки о белый халат. Потом спохватился: надо же вызвать охрану! Сообщить в милицию! Поднять собак! Из психиатрической больницы сбежал опасный преступник! Сбежал маньяк!

Тычковский не мог далеко уйти. На дворе поднимается метель. Только безумец может решиться на побег в такую погоду. Но у Тычковского, похоже, рецидив болезни. Ему сейчас все равно.

Киба опомнился и кинулся к двери черного хода. И едва не споткнулся о тело лежащего на пороге санитаря. Тычковский, которому уже нечего было терять, с каким-то особым, садистским наслаждением оставлял на своем пути истерзанные трупы. Видимо, санитар пытался его остановить, но это все равно что пытаться остановить сошедшую с гор лавину. Киба знал, как припадок безумия удесятеряет силы больного. К тому же после убийства Абрамовой Тычковский находился в состоянии эйфории, все равно что под действием сильнейшего наркотика. Он долго терпел и получил достойную награду. И хорошо, что кто-то еще не попался ему под руку, иначе жертв было бы больше. Чем больше трупов, тем весомее награда Тычковского за терпение.

Дверь черного хода была приоткрыта, с улицы тянуло холодом, но Киба его не чувствовал. Он был вне себя от ужаса. Кровь, море крови... На белой стене, над телом санитаря, чернел четкий отпечаток пальца. На полу валялся осколок синей чашки с золотыми буквами на нем. «Рита», – машинально прочитал Киба.

– Оля! – заорал он. – Нет, не надо... Кто-нибудь! Охрана! У нас побег!

Уже через десять минут больница гудела, как растрево-

женный улей. В милиции, обматерив их за безответственность и разгильдяйство, тоже сказали, что выезжают.

– Охранять надо лучше своих психов! Когда будем, не знаем. На дороге заносы, и ни черта не видать.

Поднималась метель. Спущенные с привязи собаки, матерые овчарки, выли и отказывались идти по следу.

– Куда он денется? – успокаивали Кибу охранники специализированного отделения, так называемые «спецы». – Собаки, и те идти не хотят. Он замерзнет в сугробе.

Дмитрий Александрович скрежетал зубами, узнавая все новые и новые подробности. Оказывается, Маргарита Павловна принесла любимому пациенту гражданскую одежду, пиджак и брюки. В этом со слезами призналась миловидная Оля.

– Зачем?

– Он сказал... сказал... Романтический ужин, – всхлипывая, рассказывала та. – Неудобно в пижаме.

– Хорошо, что она ему опасную бритву не принесла. – Киба не выдержал и витиевато выругался. – Как же идти на свидание при свечах, да небритым? Хотя ее не спасло отсутствие колюще-режущих. Он расколотил о ее бедную глупую голову чашку, а потом устроил себе настоящее пиршество. О, черт! Моя куртка пропала из гардероба! Куда вы все смотрели?! – заорал Дмитрий Александрович. – Дуры романтические! Он же псих! Сумасшедший! Ну как можно влюбиться в психа?!

Оля не выдержала и зарыдала.

– Вы бы не ездили никуда, Дмитрий Александрович, – посоветовал один из спецов. – Заночуйте здесь.

– Да идите вы... – махнул рукой раздосадованный Киба.

Тычковского поймают, в этом он не сомневался. Либо найдут его окоченевший труп. Даже в зимней куртке, в украденных там же, в гардеробе, теплых ботинках ему не уйти далеко по такой-то метели. И если Тычковский каким-то чудом доберется до города или до какого-нибудь жилья (что маловероятно), вряд ли он набросится на людей, которые там будут. Он уже сбил оскомину, охладил голову на февральском морозе и теперь будет всячески оттягивать момент, чтобы награда была как можно весомее. Между совершенными им преступлениями всегда был перерыв в несколько месяцев, а то и в год, как следовало из материалов уголовного дела. Значит, время еще есть.

«И вообще это не мое дело. Не я его привечал, не я добился его перевода в стационар общего типа. Да пошло оно все к черту! Поеду в другой паре», – решил Киба насчет обуви. В машине у него имелись еще одни ботинки, правда на тонкой подошве, зимой он всегда переобувался, садясь за руль, чтобы чувствовать педали. Ботинки были холодные, из тонкой кожи, но куда деваться? Другие-то увели! У них с Тычковским, как назло, оказался один размер ноги, что же касается одежды, тот был худее. Не намного, но Киба не раз с досадой разглядывал в зеркале свою расплывшуюся талию и растущий живот, невольно сравнивая. Они с Тычковским, кстати,

были ровесниками, обоим по сорок с хвостиком, и даже похожи. Оба высокие, темноволосые, с правильными чертами лица, как обычно говорят жеманные дамочки о таких мужчинах: видные. «Разжирел ты, Дмитрий Александрович. Психом, что ли, заделаться? От нервов худеют», – думал Киба. Но ужинал, как всегда, с аппетитом: Верочка замечательно готовила.

Теперь он лишился зимней куртки и хороших теплых ботинок. Черт бы с ними, с ботинками, но почему Тычковский выбрал именно его одежду? Мог бы раздеть кого-нибудь из санитаров, в конце концов. Киба разозлился было всерьез на Маргариту Павловну с ее размякшими от любви мозгами, но потом вспомнил, что с ней стало, и застыдился. Она свое получила. Бедная, бедная Рита... Киба тяжело вздохнул. Куртку ему дал один из охранников, тоже при этом отговаривая ехать:

– Вы бы остались, Дмитрий Александрович. Переждали непогоду.

– Мне недалеко, – отмахнулся он. Куртка оказалась на два размера больше, но выбирать не приходилось.

До города и впрямь было недалеко. В хорошую погоду он добирался до дома минут за двадцать – двадцать пять. Жена уже звонила, волновалась. Ждала. Кибе представлялся уютный вечер с прелестной Верочкой под колыбельную песню февральской метели за окном, старый добрый фильм по телевизору, бокал хорошего вина. И он решил ехать. Пусть раз-

бираются сами, это уже дело милиции.

...Он и сам не ожидал, что поднимется такая метель. На шоссе стремительно образовывались заносы. Какое-то время он еще тащился, буксуя в снегу, которого становилось все больше и больше, и понимая, что стгоряча и от досады на Риту, на ее бабскую глупость, и сам поступил опрометчиво. Поехал домой вместо того, чтобы заночевать в больнице. Надежды Кибы на уютный семейный вечер таяли с каждой минутой. А через пару километров машина и вовсе встала.

«Что делать?» – мучительно думал он, глядя в окно на метель. Порывы ветра усилились настолько, что раскачивали его машину, словно утлую лодку в шторм, и Кибе, физически сильному мужчине с крепкими нервами, стало вдруг не по себе. Он достал мобильный телефон и позвонил в больницу.

– Возвращайтесь, Дмитрий Александрович, – посоветовали ему.

Он попытался развернуться, но, проехав какое-то расстояние назад, понял, что и обратный путь отрезан.

– Я застрял, – сказал он в трубку.

– Попытаемся вам помочь.

– Звоните в МЧС, вызывайте спасателей, – велел он, потом позвонил жене: – Вера, я не приеду сегодня ночевать. Ничего страшного, не волнуйся. На дороге заносы. Я вернусь и заночую на работе. Как Саша? Уроки сделал? Ну и замечательно. У меня все нормально, не беспокойся. Все. – И Киба, чтобы не волновать жену, дал отбой.

«И куда меня понесло?» – думал он, выходя из машины. Машинально нажал кнопку на брелке, ставя ее на сигнализацию, и поежился от холода. Куртка была с чужого плеча, неудобная, а на улице темно и снежно, ветер так и норовил сбить с ног. Киба невольно запаниковал, представив, что придется провести ночь в машине, заметенной снегом, но тут вдруг увидел вдали едва пробивающийся сквозь толщу тьмы и снега огонек. Это была деревня Выселки. Киба вспомнил, что метрах в пятидесяти от шоссе стоит жилой дом. Почти каждый день он проезжал мимо этого дома и даже не задумывался над тем, что в этой глуши кто-то зимует. А теперь, глядя на огонек во тьме, Киба несказанно обрадовался. Неизвестно, когда появятся спасатели, а ночевать в машине неразумно. Все просто: надо идти к людям.

И он пошел. Он был так расстроен и взволнован событиями сегодняшнего дня, так замерз, что даже не вспомнил о том, что портфель со всеми документами остался в машине. И портмоне с деньгами и водительскими правами тоже. В кармане лежали только мобильный телефон и совершенно бесполезные теперь ключи от застрявшей в сугробе машины.

Дом у дороги

– Лида, что там?

Она подошла к окну и, отодвинув занавеску, какое-то время вглядывалась в темноту. Потом коротко сказала:

– Метель.

И задернула занавеску. Лидия вообще была неразговорчивой.

– Как там наши гости? – заволновался Кит.

В деревне его иначе и не звали. Мало кто уже помнил, что фамилия мужика из крайнего дома Китайцев, отсюда и прозвище, а вовсе не из-за огромного роста и поистине нечеловеческой силы. Года три назад мрачный затворник Кит сошелся с такой же неулыбчивой и неразговорчивой Лидией, к которой, едва она здесь поселилась, прилипло прозвище Монашка. Так образовалась пара бирюков, которые жили в Выселках безвылазно, в отличие от дачников. Кит с Монашкой на одном конце деревни, большая дружная семья Хватовых на другом да безобидный алкаш Микоша, беспокойный сосед Лидии Ивановны, – вот и все население Выселок, пока не сойдет снег.

В апреле же здесь начиналось настоящее столпотворение. Места красивые, в лесу в изобилии грибы-ягоды, поляны в цветах, речка рядом, от города недалеко. Что еще нужно человеку для дачного счастья? Летом был заселен каждый дом,

по выходным и на праздники повсюду дымились мангалы и даже, случалось, грохотал фейерверк. Жизнь кипела, но это пока не пожелтеет и не облетит с деревьев листва. Зимовать же в деревне решались немногие, да и то от безвыходности. К примеру, Микоше деваться некуда, у него только и есть что изба-развалюха да пенсия по инвалидности, или многодетным Хватовым, которые тут же, в Выселках, и родились. У них хозяйство: две коровы, телок, поросята, куры, кролики. Им с таким количеством живности скучать не приходится.

Почему здесь, в глуши, зимует Кит и по какой причине не уезжает в город Лидия, никто спрашивать не решался. Эти двое не искали общения, им вполне хватало друг друга. Задавать какие бы то ни было вопросы Киту было небезопасно, тот был огромен, не улыбочив и запросто посылал куда подальше, когда ему не нравился тон собеседника, а мог и кулаком махнуть. А кулак у него был... В общем, кулак.

Лидия же находилась под его защитой. Они были не расписаны, не венчаны, несмотря на набожность Монашки, но жили как муж с женой в доме Лидии. Этот дом, первый по главной деревенской улице, достался ей по наследству и долго стоял пустым. Потом Монашка по каким-то причинам решила бросить работу, уехать из города и безвылазно жить в Выселках. Сошлись они с Китом не сразу, у того была хибара на краю дачного поселка, располагавшегося километрах в двух от Выселок, и вот уже не один год Кит работал там сторожем, в котором с окончанием дачного сезона была

особая необходимость. В дома влезали не только воры, но и бомжи. Пожив зиму, они оставляли после себя кучу мусора, вонь ночлежки и настоящий разгром, сжигая в печи за время холодов почти всю хозяйскую мебель. В обязанности Кита входило следить за тем, чтобы непрошенные гости в поселке не появлялись. За это он ежемесячно получал от дачников зарплату.

Не оставил он свое занятие и после того, как переехал жить к Лидии. Какая бы суровая ни была зима, каждый день, прихватив охотничье ружье, Кит вставал на лыжи и ехал смотреть вверенный ему поселок. Ходили слухи, что то ли у него, то ли у Лидии есть в городе квартира, они ее сдают, на то и живут. Но проверить эти слухи, задав прямой вопрос ему или ей, никто не решался.

Тем не менее у этой пары бирюков были друзья, такие же странные. Друзья приезжали часто, особенно летом, парень лет двадцати и девушка. Девушка, кстати, была очень хорошенькой и казалась старше, чем парень. Общаться они ни с кем, кроме Монашки и Кита, не желали, и дачники на сей счет имели единое мнение: люди со странностями. Их в доме у дороги ждали и сегодня вечером, в пятницу, и сильно беспокоились.

– Как там наши гости? – повторил Кит. – Пойду я, гляну.

– Погоди.

Лидия взяла мобильный телефон и набрала номер.

– Машенька, где вы? – пропела она в трубку. Оказалось,

что голос у этой постоянно одетой во все черное женщины с усталым лицом может быть ласковым. – Мы с Колей волнуемся. Идете? Он вас сейчас встретит. Они оставили машину на шоссе и идут к дому, – сказала она Киту, и тот сразу же схватился за ватник со словами:

– Ну, слава тебе!

– Возьми фонарь, посвети им! – велела Лидия.

Странно, но Кит, этот мрачный мужик, одним ударом кулака способный свалить быка, слушался ее, невысокую, худенькую и на вид очень слабую женщину, беспрекословно. Он торопливо оделся в ватник, сунул ноги в валенки и, взяв фонарь, вышел в сени. Потом хлопнула входная дверь, закрипели ступеньки крыльца, за окном мелькнула полоса света. Лидия перекрестилась, тоже сказав «слава тебе!», и принялась неторопливо, без лишней суеты, накрывать на стол. Сегодня они собирались отпраздновать ее день рождения. Тихо, скромно, по-семейному. Никто не знал, сколько ей лет, но думали, что хорошо за сорок, а может, и все полста. Одна только Лидия точно знала, что сегодня ей исполняется сорок два года. Но возраст не имел для нее значения, так же как и то, что она выглядит гораздо старше своих лет.

Она давно уже знала, что спешить никуда не надо. Ее время вышло, то, что происходит сейчас, это сверх положенной жизни, существование, больше похожее на смерть. Без вкуса, без запаха, без удовольствия, даже без самого желания жить, без любви, без жалости и почти уже без боли. С чело-

веком, который чувствует то же, а если быть точной, ничего не чувствует и также живет сверх того, что ему было отмерено. Или того, что он сам себе отмерил. Единственное, что способно было вызвать в Лидии подобие радости, какой-то всплеск эмоций, – это Машенька.

С Машенькой у нее была особая история, подробности которой знали еще только двое: Кит и Машенькин парень, Левушка. Но оба они предпочитали об этом не распространяться. В деревне же думали, что Машенька близкая (или дальняя) родственница Лидии. И, соответственно, наследница, вот и ездит, имущество сторожит, как бы не уплыло из рук. Жить девчонка здесь, конечно, не станет, скорее всего, продаст участок. Молодым, им деньги всегда нужны. Некоторые даже приценивались, вызывая у Машеньки недоумение.

– Какая цаца! – возмущались в деревне. – Ишь! Порядочную из себя строит! А сама только и думает, как бы тетка поскорее померла! И та недаром все время в черном. Не иначе как больная, к смерти готовится.

Плохие-то мысли у людей всегда бегут поперед хороших. И хотя ни Лидия, ни Кит ничего плохого никому не сделали, в деревне о них говорили плохо. Их жизнь была окутана тайной, они никого не привечали и сами ни к кому в гости не напрашивались. Лидия, в отличие от других женщин, никогда не выходила вечерами на лавочку посидеть у дома с соседкой и обсудить других соседей, а Кит не пил с мужиками, которые то и дело устраивали у кого-нибудь в гараже хо-

лостяцкую пирушку, где главными темами для задушевного разговора были машины и женщины. Именно в такой последовательности: сначала, по-трезвому, как поется в песне, самолеты, ну а девушки потом, когда развезет.

У Кита не было машины, а обсуждать с кем бы то ни было свою интимную жизнь с Лидией Ивановной он не собирался. Во всем этом видели злой умысел. Таятся – значит, что-то замышляют. Злые люди, закрытые. Почему-то считается, что добрый человек – тот, у которого душа нараспашку. Хотя самый открытый дом в Выселках был у злостной сплетницы Катьки Ивановой. Вот уж кто людям зла наделал! Скольких Катька поссорила, скольким жизнь испортила! К ней ходили все и изливали ей душу, а Катька потом выносила все сказанное ей по секрету на деревенскую улицу, словно ведро помоев выплескивала. Тем не менее о Катьке говорили хорошо и считали ее бабой доброй. Не жадная ведь, чашку чая всегда предложит, да и в рюмочке не откажет. А вот у Монашки снега зимой не допросишься. Так говорили в деревне, хотя просить никто не пробовал. Не снега, конечно, кому он нужен, снег? Денег займы или бутылку водки, магазин-то далеко, а спиртного всегда не хватает, хоть ящик с собой привези. В крайний дом люди с просьбами не ходили.

Впрочем, ни Лидию, ни Кита совершенно не волновало, что именно говорят о них в деревне.

Накрыв на стол, Лидия подошла к окну и, отдернув накрахмаленную занавеску, долго вглядывалась в темноту. Но

видела она только снег, который валил не переставая, а слышала лишь вой ветра да неприятный металлический звук, словно огромная кошка со стальными когтями и острыми железными зубами царапала и покусывала крышу, проверяя ее на прочность. Один из железных листов, которыми была покрыта изба, держался плохо. Крышей давно уже никто всерьез не занимался, краска местами облезла, хорошо хоть не текло.

«Надо сказать Коле, – поморщилась Лидия. – Так ведь и будет дребезжать, не уснешь».

Их не было долго, она даже схватилась было за мобильный телефон. Но тут тяжелая дубовая дверь открылась, потянуло холодом, и в кухню ввалились смеющаяся Машенька в отливающем золотом норковом полушубке, ее спутник, тощий веснушчатый парень с большой коробкой в руках, и Кит.

– С днем рождения! – закричала Машенька и кинулась целовать именинницу.

Веснушчатый, поставив на пол коробку, смущенно топтался в дверях, пока Кит не подтолкнул его в спину:

– Чего застыл? Проходи!

Толчок был такой силы, что парень пролетел метра два и уперся в обнимающихся женщин, отчего они невольно сделали два шага назад.

– Тихо ты, медведь! – закричала Лидия.

– Лева! Где подарки?! – накинулась на веснушчатого Машенька.

– Да погоди ты с подарками, – отмахнулась Лидия. – Давайте за стол. Заждались уже. Да и вы небось проголодались. Сколько ехали-то!

– Ужас что творится! – подхватила Машенька. – Мы едва добрались, а вот после нас вряд ли кто сможет.

– А нам никого и не надо, – пробасил Кит. – Все свои дома. Разве что Микоша, соседка наш беспокойный, зайдет на огонек. Я, Лид, ему проговорился, что у тебя сегодня день рождения.

– Вот, прости господи, пень, – беззлобно сказала Лидия. – Тогда, ребята, жди в гости Микошу. Разве ж он обойдет, где наливают? Не пустишь – всю ночь будет под дверью стоять. А то в окно влезет. Раму выставит – и влезет. Он такой.

– Пустим, пустим! – закричала Машенька. – Что нам, жалко? Он, когда выпьет, очень смешной!

– А когда перепьет? Помнишь, какой?

– А мы ему много не дадим!

Машенька была, как язычок пламени, медноволосая, смешливая, трепещущая. Короткая стрижка чуть выющихся волос, вздернутый носик, розовые маленькие ушки и рот, похожий на сердечко. Ни одно модельное агентство не взяло бы ее «в работу» из-за невысокого роста, округлых форм и немодных, не раздутых, словно от пчелиного укуса, губ, не объявило бы красавицей и звездой, тем не менее Машенька была прелестна. И волновала мужчин гораздо сильнее всех этих признанных звезд даже в простеньком белом пуловере

и потертых синих джинсах. Одно ее присутствие заливало светом огромный и мрачный деревенский дом. Лидия смотрела на девушку с удовольствием и невольно улыбалась. С появлением Машеньки и она почувствовала, что у нее сегодня день рождения. Не праздник, конечно, но день необычный.

– Давайте за стол, – улыбаясь, сказала хозяйка, и все потянулись в большую комнату, отделенную от кухни пестрой ситцевой занавеской.

Наследству Лидии насчитывалось лет сто или около того. Это была добротная изба, сложенная из огромных, теперь уже почерневших и растрескавшихся от времени бревен, изначально рассчитанная на большую семью. Раньше в деревнях так и жили, большими семьями, стар и млад вперемешку, если же кто-то непременно желал отделиться, то делали пристройку или просто делили избу пополам дощатой перегородкой. Протопить такие хоромы с высоченным потолком было нелегко, особенно в суровые зимы, какие часто бывали раньше, поэтому дом еще делился на зимнюю половину и летнюю. Летняя иначе называлась сени или же мост, потому что соединяла дом со двором, где прежние хозяева держали многочисленную живность. На мосту кроме летней кухни с газовой плитой, стоящей у окна, находились и две летние комнаты, отделенные перегородками, не доходящими до потолка сантиметров на двадцать. Комнаты эти именовались горенками. В одной из них теперь лежал всякий хлам, и ее

звали чуланом. В другой летом, в жару, спали гости. Там стоял старый диван, привезенный Лидией из города, журнальный столик и кровать с панцирной сеткой.

Дверь в утепленную для зимовки половину дома с русской печью была дубовая, надежная, а края ее обиты войлоком, чтобы не уходило тепло. Войдя в нее, гости оказывались в просторной кухне, где в одном из углов, за занавесочкой, притулился почерневший от времени рукомойник, а рядом с ним шесток с хозяйственными принадлежностями: губками для мытья посуды, щетками, скребками, ершиком в треснувшем стакане и еще бог знает какой ерундой.

Стол же Лидия накрыла в самой большой комнате. Печь в доме была настоящая, русская, щедро беленная известью и с лежанкой, залезть на которую можно было по деревянной лесенке, приставленной сбоку. От печи шел такой жар, что Машенька невольно воскликнула:

– Ну и натопили!

– Зато спать будет тепло, – улыбнулся Кит. С появлением Машеньки и его лицо словно просветлело. – Не бойсь, за ночь выстудит. Утром первая за дровами побежишь.

Лидия размашисто перекрестилась на притаившуюся в углу икону, перед которой висела погасшая лампада, и, коротко вздохнув, сказала:

– Ну, садитесь. С Богом.

Угощение было нехитрым, основным его поставщиком послужил погреб в доме: квашеная капуста, присыпанная

выращенным на подоконнике зеленым лучком, хрустящие бочковые огурчики, рядом с которыми красовались на блюде огромные, с Китов кулак, бурые помидоры, тоже из дубовой бочки. Тут же в мисках дожидались своего часа моченая янтарная антоновка да соленые грибочки. Ни тебе красной рыбки, ни колбаски копченой, ни сыра и уж тем более икры. Зато щедрыми ломтями нарезан ноздреватый ржаной хлеб, испеченный самой хозяйкой, а к нему – сливочно-сладкое деревенское масло из хозяйства Хватовых. Гости были неприхотливы, деликатесов не требовали. Они с аппетитом принялись накладывать в тарелки закуску, а Лева первым делом схватился за хлебницу.

– Вкуснотища! – сказал он, впившись зубами в ломоть. – С месяц об этом мечтал! Такой вкусный хлеб только у вас, тетя Лида!

– Лева, а подарки? – спохватилась Машенька.

– Да погоди ты, – отмахнулась Лидия. – Пусть поест.

– Да вы гляньте сначала! Мы вам пилу купили! Бензиновую!

Именинница вздрогнула и побледнела:

– Как ты сказала?!

– Бензопилу, а что?

– Ты, Мария, выбирала или он? – кивнула Лидия на Леву.

– Он, а почему ты так разволновалась?

– Я потом с тобой об этом поговорю. А сейчас давайте праздновать.

– Подумаешь, пила, – пожалала плечами Машенька. – Лева сам выбрал ее вам в подарок, и что здесь такого? Вещь в хозяйстве нужная.

– А топор на кой? – хмыкнул Кит.

– То топор! А то бензопила! – возразила Машенька. – С нею дров можно больше заготовить!

– Дров у нас хватает, – улыбнулась Лидия. – Но все равно: спасибо тебе, Машенька. И тебе, Лева, – добавила она тихо. Парень до ушей залился краской, даже веснушки с лица почти исчезли, и уткнулся в тарелку.

– Я тебе еще кое-что купила, тетя Лида, – порозовела Машенька. – Но это потом. А сейчас: с днем рожденья! Лева! Хватит лопать! Поздравь тетю Лиду!

– С днем рожденья, – смущенно сказал тот.

– По такому празднику можно и выпить, – пробасил Кит, потянувшись к запотевшей бутылке водки, пристроившейся на краю стола. Мол, предмет незначительный и в предстоящем застолье далеко не главный.

– Ты смотри, Николай, – строго сказала Лидия. – Не забывайся. Сам знаешь, – добавила она со значением.

– Мы по маленькой, – серебряным смехом, как колокольчиком, прозвенела Машенька и подставила свою рюмку. – За день рожденья, Лидуша!

– Мне чуть-чуть, – торопливо сказал Лева. – На донышке. Лидия выпила полную. За свои сорок два.

– Да-а, метет нынче... – вздохнула она. – Слышите, как

ветер-то воет?

– Ужас! – поежилась Машенька. – Я такой зимы не припомню. Чтобы столько снега, да еще морозы стояли больше месяца! Просто кошмар! Даже не верится, что подобное может быть! Раньше зимы были мягкими, я даже длинную шубу себе так и не купила. Зачем, если ее надеваешь от силы раза три? А теперь мерзну в своем полушубке, он хоть и красивый, но совсем не теплый.

– Кто о чем, а наша птичка все о нарядах, – хмыкнул Лева. – Ее только одно волнует: покупать шубу или не покупать? Да купи ты ее уже, наконец! Не терзайся!

– Отстань! Я не какая-нибудь транжира. И не пустышка, – надулась Машенька.

– Вот говорят: человек – царь природы, – глядя в темное окно, за которым выл ветер, задумчиво сказала Лидия. – Да какой же он царь? Он гость природы. Причем наглый и бесцеремонный. Гляньте-ка, что в округе летом делается! Все, прости, господи, зас...ли! Едут в машине – мусор прямо на обочину бросают, куда ни глянь – свалка, леса вырубают без жалости, а дома на этих участках строят без ума. И повсюду так, не только у нас. Во всем мире. Все гостят, за собой не прибирая, – поджала и без того узкие губы Лидия. Рот превратился в ниточку. – Природа это терпит, но до поры до времени. А потом ее терпение кончается. И она, хозяйка, принимается нас учить. То цунами накатит, то вулкан взбесится, то пожар спалит все дотла, а у нас вот так, как нынче

зимой, города снегом заперло. И все цари сидят по домам, ждут. И ничего ты тут не поделаешь. Стихия. Ее можно только попросить, как в былые времена, когда молебен батюшке заказывали, чтобы сжалилась. А она возьмет да и не простит гостя-то непрошеного. И что тогда будет, а? Что молчите-то?

– А что тут скажешь? – вздохнул Лева. – Все верно. Только кто все это делает? Кто гадит-то? Я не делаю, ты не делаешь, Машенька тоже. Кит ничего плохого не делает. Кого ни спроси – все природу любят, все ее охраняют. Все хорошие. Тогда откуда берется плохое? Так же не бывает? Много хороших людей с хорошими мыслями, собравшись вместе, не могут совершить столько плохого. Тем не менее именно они это и делают. То есть мы. Все вместе. Мы уничтожаем природу. Ты, я, Машенька, Кит. Какая-то нелепость. Что вы на это скажете, тетя Лида?

Лидия хотела было ему ответить, но тут за окном показалась узкая полоса света и раздался негромкий, но настойчивый стук в дверь. Кто-то стоял на крыльце с фонарем и просился в гости.

– Чу! Стучат! Коля, ступай, открой ему.

– Микоша? – улыбнулась Машенька.

– А кто ж еще? Прознал, что мы за стол сели, ноги в руки – и сюда.

– Да как же он узнал?

– Звук льющейся в рюмки водки Микоша, будучи на Северном полюсе, услышит с Южного, – пошутила Лидия. –

Сколько уж раз проверено: стоит сесть за стол, и он тут как тут! Наводнение проще остановить, чем Микошу, рвущегося к выпивке. Открой ему, Коля, иначе он нам дверь снесет. Слышь? Опять стучит!

Серьезный разговор с появлением Микоши был закончен. Все знали, что при нем лучше и не начинать, все равно рта никому не даст открыть. Микоша считал себя главным экспертом по всем без исключения вопросам, начиная с гипотезы зарождения Вселенной и заканчивая стиркой носков.

Кит ушел в сени, и вскоре на пороге жарко натопленной комнаты возник мужичок с ноготок, красноносый, с жиденькими седыми волосиками на яйцеобразной голове, и, переминаясь с ноги на ногу, виновато сказал:

– Доброго здоровьица всей честной компании. С днем рожденья, соседка. Я вот тебе салыца принес в подарочек, так сказать... – и торопливо принялся разворачивать белую тряпицу. Фонарь он оставил в сенях.

– Садись уже, сосед, – скупно улыбнулась Лидия.

– Салыца, думаю, им не хватает. К застолью-то, – все суетился Микоша. – Я, как узнал, загодя расстарался. – Взгляд мужичка выхватил из всей расставленной посуды початую бутылку водки и больше уже от нее не отрывался. – Хватовы-то кабанчика на днях закололи, а я помогал. Вот они и отблагодарили, костями на супчик да салом. Хорош был кабанчик, сала много. Сам засолил, – похвастался он. – В этом деле я мастак. Рецепт у меня есть особый, я тебе, Лидия Ива-

новна, потом шепну на ушко, потому как секрет. Ты порежь сальца-то...

– Да садись ты уже!

Кит всего лишь дружески подтолкнул Микошу в спину, отчего тот пролетел аккурат до ближайшего пустого стула и приземлился на него вместе с тряпицей, в которую было завернуто сало.

– Мы уже выпили, – сурово сказала Лидия, – так что ты уж сам расстарайся, сосед. Кит, возьми у него сало, порежь.

Микоша, заметно дрожа рукой, но в то же время бережно, стараясь не пролить ни капли, налил в рюмку водки до самых краев. И нетерпеливо заерзал на стуле.

– Что ж не пьешь? – с улыбкой спросила Лидия. – Сказали тебе: мы уже.

– Штрафную, значит? – осклабился Микоша. Вместо зубов у него во рту торчали гнилые пеньки.

– Штрафную, штрафную! – подхватила Машенька, заливаясь серебряным колокольчиком.

– Ну, ежели такая красивая барышня просит... И хозяйка дозволяет. Из уважения к присутствующим дамам! – гаркнул Микоша. Голос у него был зычный, как у какого-нибудь двухметрового гиганта с соответствующим объемом легких, и такая же не по росту большая нога. Глянешь на сапоги – великан, а глаза поднимешь: где ж великан-то? Метр с кепкой. Но зато голосище! Вот какой был Микоша.

Он бережно, стараясь не дрожать рукой, поднес рюмку ко

рту и, сложив губы трубочкой, не выпил, а скорее вытянул из нее водку. Высосал до капли, причем беззвучно, без чмоканья, без вульгарного бульканья, со всем глубочайшим уважением к употребляемому продукту. После чего нюхнул кусок хлеба, положил его на стол рядом с пустой тарелкой и с тоской уставился на бутылку, в которой водки еще было больше половины.

– Передохни чуток, – пробасил Кит, ставя перед Микошей миску с нарезанным толстыми ломтями бело-розовым салом.

– То не мне, гостям, – важно сказал тот.

– А ты что ж? – насмешливо спросила Лидия. – И не закусываешь никогда?

– Чего тут закусывать? – вздохнул Микоша. – Я ж сегодня лояльный и обоюдный.

– Как-как? – прыснула Машенька.

– Трезвый, говорю, как стекло. С утра готовился.

– А-а-а... – протянула Лидия, а Лева хмыкнул.

– Погода-то, а? – стал подводить разговор к очередной рюмке Микоша. У него были свои, годами отработанные методы питания на халяву и своеобразный кодекс чести. Кодекс чести алкоголика, как ни смешно это звучит. – С утра передавали штормовое предупреждение, – важно сказал он.

– Кит, ты бы включил телевизор, – заволновалась Лидия.

– А что нам погода? – пожал могучими плечами тот.

– Включи, говорю!

Кит послушно взялся за пульт.

– ...специальный выпуск новостей...

– А я что говорю? – встрепенулся Микоша. – Вот за хорошую погоду...

– Да погоди ты! – прикрикнула Лидия. – Это местные новости. Не о том они сейчас.

– ...сбежал опасный преступник.

– Откуда сбежал? – заволновалась Машенька.

– ...из психиатрической больницы, – равнодушно сообщила хорошенькая дикторша с экрана телевизора. – Убиты главный врач Маргарита Павловна Абрамова и один из санитаров. Почти шесть лет назад Владимир Тычковский, совершивший с особой жестокостью несколько изнасилований и убийств, был признан судом невменяемым и помещен в психиатрический стационар закрытого типа под усиленное наблюдение. Сегодня ему удалось оттуда бежать. Помните, что этот человек особо опасен, к тому же у него сейчас рецидив болезни. Немедленно сообщайте в милицию о его появлении! Приметы Тычковского: высокого роста, среднего телосложения, темноволосый, черты лица правильные...

– Лучше бы фото показали, – проворчал Лева.

– Обратите внимание на фото: перед вами опасный преступник... – словно в ответ на его слова сказала хорошенькая дикторша.

Лидия, подавшись вперед, впиалась взглядом в экран телевизора, Машенька тоже не на шутку разволновалась. И в этот

момент по экрану пошли широкие полосы, раздалось шипение, треск, потом изображение и вовсе исчезло, звук тоже.

– Кит! – закричала Лидия. – Что это такое?!

– Должно быть, антенна отошла, Лидуша, – пробормотал тот.

– Да почему ж она отошла?!

– Так ураган... – развел руками Кит. – Хорошо хоть свет есть. В такую погоду всякое бывает.

– А еще этот маньяк, – вздрогнула Машенька. – Б-р-р-р...

– Да чего нам бояться? – Кит сжал огромные кулаки и показал их всем. – Пущай только тронет кого из вас! А антенну я, Лидуша, почию. Хочешь, сейчас и полезу на крышу?

– Ты что, спятил? – рассердилась Лидия. – Куда ты, чудило, полезешь? На улице ураган! Ну не дал бог человеку мозгов, чисто дитя малое! Господи, прости, – она торопливо перекрестилась. – Не умрем без телевизора. Вон, радио есть, – кивнула она на выдавший виды тюнер.

– Вот за радио... – потянулся к бутылке Микоша. – Давай выпьем, тезка!

По паспорту его, как и Кита, звали Николаем, хотя об этом все давно уже позабыли, поэтому переглянулись удивленно.

– Тю! Неугомонный! – покачал головой Кит. – Ладно, наливай.

– Николай! – строго сказала Лидия. – Помни!

– Да ты бы не волновалась, соседка, – заступился за Кита Микоша, наливая две полные рюмки водки себе и ему.

Он уже прекрасно знал, кто сколько пьет, знал, что Леве предлагать бесполезно, Машенька тоже вряд ли поддержит. Единственная надежда – Кит, если удастся уговорить Лидию немного отпустить вожжи. – Ты глянь на него. Ему ж ведро надо, чтобы захмелеть. То ли дело я. Нюхну – и готово.

– Знаю я, как ты нюхнешь. Раз нюхнешь – бутылки нет. Потом ищи тебя в блюде со студнем, веди домой, спать укладывай. А коли не допил, так на ссору начнешь нарываться, руки распускать. Мороки с тобой, – поморщилась Лидия. – Хотя куда ты сегодня пойдешь? – вздохнула она. – Метель на дворе, да и на улице ни души, ссоры искать не с кем. А здесь тебя Коля мигом успокоит. Похоже, все мы сегодня в одной лодке. Пейте, черт с вами, – неожиданно грубо сказала она.

– Ну, за стихию! – поднял рюмку Микоша. – Чтоб никакой маньяк не помешал нам, товарищи, культурно посидеть. То есть чтоб она бы помешала какому-нибудь маньяку помешать нам... – Он сбился, Машенька слевой переглянулись и прыснули. – В общем, за нас! – закончил путаный тост Микоша. – Хорошо сидим!

– Чего сказал-то? – вздрогнул Кит.

– То не я, то классика! – Микоша поднял вверх указательный палец. – Не нравится, скажу по-другому: как же я вас люблю, дорогие мои соседи и их дорогие товарищи гости! Вот за это и выпьем. За любовь! – гаркнул он.

Не успел Микоша поднести рюмку ко рту, как раздался стук в дверь.

– Кого там несет? – удивленно спросила Лидия. – В такую-то погоду!

– Еще гости? – предположила Машенька.

– Мы никого не ждем, – сурово сказала именинница.

– А Хватовы? – напомнил Лева.

– Они не пойдут, у них кабанчик, – тут же заступился за Хватовых Микоша. – И брага выхаживалась, сам видел. Нынче гнать будут, – мечтательно сказал он. – На первак не позовут, так я завтра на остаточки нагряну. Не, точно не Хватовы.

– А кто? – переглянулись женщины.

– Я посмотрю, – встал из-за стола Кит.

– Осторожнее там, – предупредила его Лидия.

– А пойдете все! – предложил Лева и тоже встал.

– Все так все. Имеются в виду мужчины, бабам там делать нечего. Ну, за нас, за мужчин! Походную, так сказать. – Микоша махом опрокинул рюмку водки и, путаясь в ногах, стал вылезать из-за стола.

– Машенька, и в самом деле, останься здесь со мной, – попросила Лидия. – Они сами разберутся.

– А если это *он*? – вздрогнула девушка.

– Он один, а нас много. Не волнуйся, девочка.

Она подошла к Машеньке и положила руки ей на плечи. Так, стоя у нее за спиной, Лидия неотрывно смотрела на цветастую занавеску и ждала. Лицо у нее было странное.

– Я вовсе не волнуюсь, – сказала Машенька. – То есть мое

волнение... Ты знаешь, отчего оно... Я просто вспомнила...

– Не думай об этом. Все в прошлом.

– Он пришел, чтобы напомнить нам о прошлом, – вздрогнула Машенька.

– Все будет хорошо. – Лидия ласково погладила ее нежные плечи под белым свитером. – Может быть, это и не он вовсе? Валя Хватова зашла муки спросить для пирога. Или поздравить меня решила. По-соседски.

Когда же в сенях послышались топот ног и взволнованные голоса, среди которых не было женского, похожего на Валин, Лидия вздрогнула и глухо сказала:

– Неужели случилось?

Незваные гости

Какое-то время она не трогалась с места. Машенька тоже не шевелилась. Обе молчали. В сенях меж тем шла какая-то возня. Потом в кухню заглянул Кит и крикнул:

– Куда его?

– Кого? – тупо переспросила Лидия.

– Да мужика! Ввалился в дом, еле дышит.

– Да ты войди. Что стал в дверях?

Хлопнула дверь, Кит заглянул за занавеску и спросил:

– Делать-то с ним что?

– С кем?

– С мужиком!

– С каким мужиком?

– Да который пришел! Что ты как не в себе! По пятому разу спрашиваешь!

– А что он говорит?

– Да ничего не говорит. Я ж сказал: еле дышит. Замерз.

– А из себя какой?

– Да никакой! Замерз, говорю, совсем.

– Что ты заладил: замерз да замерз, – разозлилась вдруг

Лидия. – Ты что, радио не слышал?!

– Какое радио? – хлопнул глазами Кит.

– Ну, телевизор! Сказано тебе: маньяк из дурки сбежал!

В милицию надо звонить!

– Вот ты говоришь, что я дурак...

– Дурак и есть!

– А ты бы, умница моя, мозгами пошевелила. Али забыла, кто мы-то такие? В милицию она собралась звонить.

– А ведь и верно, – спохватилась Лидия. – Что-то я, Коля, совсем растерялась. Давай его сюда, беглеца.

Кит посторонился, и Лева с Микошей под руки ввели в комнату высокого темноволосого мужчину, который и в самом деле выглядел неважно. Лицо бледное, губы синие, смерзшиеся, так что гость не мог вымолвить ни слова, только мычал. Одет он был в зимнюю куртку, которая была ему великовата, из-под нее виднелись темный пиджак и брюки.

– Сажайте его на диван, – велела Лидия.

Мужчину осторожно опустили на диван.

– И что с ним делать? – растерянно спросила Машенька.

– Водки дать, – смущенно кашлянул Микоша. Видно было, что сей добрый совет дался ему с огромным трудом.

– А ведь и верно! Коля, дай ему водки! – велела Лидия.

Кит схватил со стола так и не выпитую им рюмку водки и с силой влил ее в незнакомца. Тот закашлялся и затряс головой.

– Кто помнит, что надо делать с обмороженными? – наморщив лоб, спросил Лева.

– Да он вроде того... целехонек, – прищурившись на гостя, сказал Микоша. – Видал я обмороженных, этот не такой. В тепле чуток посидит и отойдет.

– Кончится, что ли? – ощерился Кит.

– Да типун тебе на язык! – замахал руками Микоша. – Будет как новенький! Я ж говорю: видал я обмороженных, а с этим товарищем все нормалек.

– Да где ж ты их видал, чумичка? – зыркнула на него Лидия.

Микоша молча вытянул вперед левую руку, на которой не хватало двух пальцев, среднего и указательного.

– Ты ж говорил, на пилораме, производственная травма, – удивленно сказал Кит.

– Присочинил малость.

– А я поверила! – возмутилась Машенька. – Зачем же ты нам врал?

– Не врал я, – засуетился Микоша. – Правду не хотел говорить.

– По пьяни, что ли, в снегу замерз? – хмыкнул Кит.

– Вот я и говорю: видал я обмороженных... – в третий раз сказал Микоша и со вздохом посмотрел на бутылку с вожденной огненной водой. – Нешто и мне выпить? Волнительно все это.

– Кто о чем, а лысый все о расческе, – покачала головой Лидия, и в этот момент сидящий на диване мужчина пришел в себя.

– Где я? – хрипло спросил он, обводя комнату мутным взглядом.

– Во-первых, кто вы? – важно спросил Лева, видимо во-

образив себя великим сыщиком, мастером допроса.

– Я шел на свет в окне.

– Издалека шел? – с иронией спросила Лидия.

Мужчина закашлялся и попросил:

– Воды... Пожалуйста...

Машенька встала и торопливо налила в стакан вишневого компота из большого глиняного кувшина. С опаской подойдя к мужчине, она сказала, протягивая ему стакан:

– Компот устроит? Вишневый.

– С косточками? – неожиданно улыбнулся гость. Его широкобровое лицо стало вдруг чертовски обаятельным, в карих глазах сверкнул огонек. Он, похоже, полностью пришел в себя или же притворялся раньше беспомощным.

– Что? – растерялась Машенька.

– Давайте ваш компот. И не спешите меня вязать. Как видите, я ни на кого не бросаюсь.

– Попробовал бы... – Кит сжал кулаки. – Чтоб ты знал: у меня есть ружье.

– А этого мало? – усмехнулся гость, кивнув на его кулаки. – Я же не сумасшедший, бросаться на такого великана с голыми руками. К тому же я замерз. Мне сейчас не до драки.

– А он совсем не похож на маньяка, – задумчиво сказала Машенька. – Вы не находите?

– Много ты знаешь про маньяков! – неожиданно зло сказала Лидия.

– Какой маньяк? Вы о чем? – с недоумением посмотрел

на них гость. – Я просто несчастный, которого застала в пути метель. Разрешите мне раздеться? У вас тут жарко.

И он, не дожидаясь ответа, принялся снимать с себя куртку.

– А куда вы ехали? – подозрительно спросила Машенька. – Или... шли?

– Машина застряла на шоссе. Погода-то, сами видите, какая. Заносы.

– Боже! – закричала вдруг Машенька. – У него на рубашке кровь!

Из-под рукавов пиджака, бывшего на госте, выглядывали обшлага светлой рубашки, которые и в самом деле были испачканы кровью.

– Маньяк, – тихо сказал Лева. И с обидой добавил: – А я ему почти поверил.

– Я сейчас все объясню... – явно нервничая, сказал гость, и в это время в наружную дверь опять постучали. Потом, для верности, постучали в окно. Затем опять в дверь.

Нет, это уже был не стук. В дверь барабанили кулаками и даже, кажется, пинали ее ногой. Так не в гости просят, а ломают в дом. Причем нахально.

– Это еще кто?! – взволнованно спросила Лидия.

– Я сейчас посмотрю, – вызвался Кит.

Поскольку маньяк сидел здесь, в комнате, открывать новому гостю (или гостье) он пошел один. Лидия на всякий случай сделала два шага назад и взялась рукой за спинку тя-

желого дубового стула.

– Только дернись, – предупредила она незваного гостя.

– Я что, сумасшедший? – усмехнулся тот. – Я еще не потерял надежду получить помощь и выбраться отсюда поскорее. Телефон-то у вас есть, надеюсь?

– У меня-то есть, – ответил за Лидию Лева. – А у тебя? Если ты ехал на машине, как говоришь, и ты не маньяк, где твой мобильный телефон?

– Веришь, нет? Он у меня был. Но я несколько раз глубоко провалился в снег. А пару раз так и вовсе упал. Ветром сбило. Там, на улице, настоящий ураган. Похоже, я его где-то обронил. Но если ты настаиваешь, я сейчас пойду его искать.

Мужчина приподнялся с дивана.

– Сидеть! – крикнула ему Лидия, сжимая спинку стула так, что побелели костяшки пальцев.

Тот нехотя послушался. В сенях меж тем раздались голоса. Новый гость тоже оказался мужчиной. Он, похоже, пытался что-то объяснить Киту. Но отсюда, из избы, слышно было только: бу-бу-бу.

– Коля, кто там? – крикнула Лидия. Но Кит ее не услышал.

– Да что ж за день сегодня такой? – кусая губы, спросила Машенька. – Я начинаю нервничать, а мне это нельзя.

– Успокойся, девочка, – ласково сказала ей Лидия. – Сейчас мы все узнаем. Может быть, ничего опасного для нас и нет. Почему же Коля не ведет его в дом? Что там случилось?

Прошло какое-то время, и наконец хлопнула дверь и Кит

втолкнул в избу очередного незваного гостя. Потом занавеска, отделяющая кухню от комнаты, отъехала в сторону, и все уставились на вошедшего. Это тоже был мужчина высокого роста, темноволосый, с приятным лицом, в куртке не по размеру, из-под которой виднелись пиджак и брюки. За его спиной маячил Кит, лицо у него было растерянное. Он и не помнил, когда это в доме было столько гостей.

Увидев вошедшего, тот, что сидел на диване, изменился в лице. Он дернулся, попытался было встать, но тут же взял себя в руки. Откинулся на спинку и замер, внимательно наблюдая за реакцией хозяев. Стоящий на пороге мужчина попытался было что-то сказать, но замерзшие губы его плохо слушались.

– Из-з-з... – мычал он. – Из-з-з з-за...

– Еще один, – прошептал Микоша и с тоской добавил: – Это сколько ж надо водки?

– Замерз? – спросила у нового гостя Лидия и, поскольку тот не отвечал, велела Киту: – Веди и этого на диван.

Второй гость попятился и затряс головой. Знаками он пытался что-то сказать хозяевам.

– Не хочет на диван, – перевела Лидия. – Коля, веди его в кресло.

Кит повел нового гостя к огромному старинному креслу, доставшемуся Лидии в наследство от предков вместе с прочим барахлом. Она ничего так и не отнесла на свалку, ни ходики с гирьками на медной цепочке, ни облупленный комод,

ни буфет с мутным треснувшим зеркалом, ни продавленный диван. Отчего комната была теперь похожа на музей деревенского быта первой половины прошлого века. В довершение ко всему в разохшихся рамках на стенах висели желтые от времени фотографии предков Лидии. Они сурово смотрели на незваных гостей.

– Это Тычковский, – сказал сидящий на диване мужчина. – Он сегодня сбежал из психиатрической больницы. Если вы не в курсе, Тычковский – опасный преступник, маньяк.

– Мы телевизор-то смотрим, – осклабился Микоша. – Знаем, что сбежал. Только у нас изображение вдруг пропало. Фотку-то мы так и не увидели!

– Молчи, дурак! – крикнула Машенька.

Кит усадил дрожащего от холода «Тычковского» в кресло и пошел к столу за водкой.

– А ты тогда кто? – спросил Лева у сидящего на диване мужчины. На всякий случай он, как и Лидия с Машенькой, держался от него подальше.

– Я – Дмитрий Александрович Киба, врач-психиатр.

– Ах, врач...

Сидящий в кресле замычал и замотал головой. Только после того, как Кит влил в него водку, второй гость, хотя и с трудом, заговорил:

– Он врет. Я Киба. Кстати, извините за вторжение. Я очень замерз, поэтому рвался к вам в дом.

– Вы – врач-психиатр? – уточнила Машенька.

– Да. Он самый.

– Работаете в психиатрической больнице?

– Именно.

– Должно быть, новенький. Что-то мне ваше лицо не...

– Молчи, – оборвала ее Лидия. – И как вы здесь оказались? – хмуро спросила она.

– Сделал глупость: поехал в метель. Меня дома ждут жена и сын. Младший. Старший учится в институте и живет в Москве. На шоссе заносы. Моя машина встала. – Киба говорил отрывисто, а дышал с трудом. Видно было, что еще не отогрелся как следует и не пришел в себя. – Я увидел свет в окне и пошел на него. Точнее, побрел. Дорогу замело. Еле дошел.

– Это мы уже слышали. Только что, – сухо сказала Лидия. – От него, – кивнула она на диван, где сидел незваный гость номер один.

– Может быть, у вас есть мобильный телефон, чтобы мы могли проверить информацию? – деловито спросил Лева, все еще играя в великого сыщика. – Психбольным мобильные телефоны не положены, а вот у врача он должен быть.

– Конечно! – Киба полез в карман куртки, потом в другой, какое-то время искал или делал вид, что ищет там мобильный телефон, потом растерянно сказал: – Должно быть, я его обронил. Я несколько раз падал.

– И это мы уже слышали, – вздохнул Лева.

– И как же нам узнать, кто есть кто? – растерянно спро-

сила Машенька.

– Позвонить в клинику, – выдвинул версию Лева. – У нас же есть мобильные телефоны. – Во-первых, сказать, что они оба у нас. И Киба, и Тычковский. Если, конечно, у них не только маньяк сбежал, но и врач пропал. Ах, если бы у меня был с собой ноут! – мечтательно вздохнул он. – Я бы мигом получил обе фотки и по скайпу со всеми переговорил. Ноу проблем!

– А почему же его у тебя нет? – звенящим голосом спросила Машенька.

– Ты же мне сама запретила возить его с собой!

– Я же о тебе забочусь!

– А я о тебе!

– Тихо, не ругайтесь, – властным окриком остановила их Лидия. – Машенька, ты знаешь, что он прав. Нет и не надо, как говорится, от греха подальше. Бензопилы хватает.

– Да при чем здесь бензопила? – удивилась девушка. – Ведь это всего лишь подарок!

– Я в свое время работала с молодежью, – сурово сказала Лидия. – Это один из элементов той самой игры, которая и стала причиной его болезни. Ведь так, Лева? Я права?

– Я могу выйти в Инет через мобильник, – буркнул тот, – но у меня на дисплее изображение будет нечеткое, да и они, как назло, похожи.

– Ах, ты меня обманул! – взвилась Машенька. – Ты, выходит, можешь выйти в Инет!

– Да не собирался я в клуб! То есть играть с челами ни во что не собирался! Я ж только початиться хотел!

– Врун! – надулась Машенька.

– Вот кретинка! – разозлился Лева. – Ни фига в компах не рубит! Тетя Лида хоть и в два раза старше тебя, во столько же и умнее! По мобиле это не-воз-мож-но! – по слогам сказал он. – То, в чем ты меня подозреваешь. Недостаток ресурсов. Да что тебе объяснять? – махнул рукой парень.

И тут у Микоши закончилось терпение. Все это время он нарезал круги вокруг стола, а точнее, вокруг того угла, где стояла бутылка с водкой. Она безжалостно таяла: сначала одного гостя пришлось отогреть, потом появился другой нахлебник. И в душе у Микоши поселилась тревога. А ну как объявится еще один незванный гость? Тогда тю-тю жилабельная влага, без которой и жизнь не жизнь, и праздник не праздник. С каждой минутой тревога эта становилась все сильнее и сильнее, Микоша не выдержал и, схватив бутылку, налил себе полную.

– Выпьем за мир во всем мире, товарищи! – гаркнул он и махом опрокинул рюмку.

Все это Микоша проделал в считанные секунды, а заорал так, что все невольно вздрогнули.

– Придурок, – передернула плечами Машенька. – Уже не смешно.

– С каждой выпитой рюмкой у него тормоза отпускает, – предупредила Лидия. – Следите за ним.

– Нам бы с этими двумя разобраться, – вздохнул Лева. – И так, мужики, давайте честно: кто из вас врач, а кто псих?

– Я врач, – сказал сидящий на диване. – Я пришел первым, следовательно, был на машине. А он шел пешком.

– А я меньше замерз, – возразил тот, что сидел в кресле. – Мне хозяин сказал, что тебя в дом внесли на руках, а я сам вошел. Следовательно, ты шел дольше. Могу предъявить машину. Она на шоссе.

– У нас нет возможности снять с руля отпечатки пальцев, – сухо заметила Лидия. – К тому же метель поднимается. Мы вряд ли сможем дойти до машины. Да и ни к чему это.

– Кровь! – вспомнила вдруг Машенька. – У него на рукаве кровь! – кивнула она на сидящего на диване. – Значит, это он маньяк!

Тот, что расположился в кресле, вздрогнул и поспешно натянул рукава куртки почти до самых кончиков пальцев. Лидия, которая успела это заметить, тихо сказала:

– А ну-ка сними куртку.

– Я еще не согрелся, – стал отнекиваться гость номер два.

– Кит! Помоги ему!

– Не надо, я сам, – сказал он, заметив, как хозяин сделал угрожающее движение по направлению к нему, и нехотя стал снимать куртку.

– И у этого кровь, – тихо сказала Машенька. – Обшлага рубашки в крови.

– Я вам сейчас все объясню, – поспешно сказал гость но-

мер два, повесив куртку на подлокотник кресла. – У вас и в самом деле жарковато.

– Они говорят абсолютно одинаково! – воскликнула девушка.

– Зеркало, – тихо сказал Лева.

– Что? – вздрогнули женщины и переглянулись.

– Один из них, похоже, и в самом деле врач-психиатр, а другой его пациент. Они друг друга, видать, прекрасно изучили. Один копирует другого. Те же жесты, те же слова. Но как понять, кто из них копия, а кто оригинал?

– Я Киба, – стараюсь быть спокойным, сказал сидящий в кресле. – А вы, молодой человек, видимо, прекрасно разбираетесь в психиатрии. Разрешите узнать, откуда опыт?

– А ты еще не понял? – посмотрел на него вольготно расположившийся на диване двойник. – Не понял, куда попал? Тогда какой же ты, к черту, врач-психиатр?

– Я Киба, – упрямо повторил сидящий в кресле. – А кровь... Я первым нашел Риту... Маргариту Павловну. Она была... Убита и изнасилована. То есть сначала изнасилована. А потом...

– Ты так хорошо знаешь подробности? – усмехнулся первый гость. – Вот я не могу с уверенностью сказать, что было и как. До проведения медэкспертизы. Быть может, ты насиловал труп? Ты же извращенец!

– Прекратите! – Лидия зажала ладонями уши. – Не хочу вас слушать! Кит! Иди за ружьем!

– Взять на мушку обоих? – деловито осведомился ее сожитель. – Или только врача?

Тот, что сидел на диване, с усмешкой посмотрел на двойника, что замер в кресле, и спросил:

– Ну? Теперь до тебя доходит? Ты жить-то хочешь?

– За дружбу! – гаркнул вдруг Микоша.

Никто и не заметил, как он повторил свой фокус: подкрался к столу и по-тихому налил в рюмку водку. Присутствующие среагировали только на тост, Лидия дернулась, но помешать Микоше была не в силах. Тот махнул очередную рюмку водки, и глаза его на какое-то время стали счастливыми.

– Кит, убери бутылку, – простионала Лидия. – Только этих проблем нам сейчас не хватает!

– Да что тут убирать-то?

В бутылке и в самом деле осталось граммов сто или чуть больше. Но даже эту малость Микоша с сожалением проводил взглядом. Кит не решился выйти из комнаты без приказа своей сожительницы, только отставил бутылку подальше от Микоши на комод.

– Почему ты еще здесь? – рявкнула вдруг на Кита Лидия. – Я же тебе сказала: иди за ружьем!

– Так мы будем звонить? – тихо спросил Лева. – И куда?

– Хватит уже, – устало сказала Машенька. – Хочешь помочь правосудию? Ладно бы правосудию. Но ты собираешься помочь психиатрам. Людям, которые тебя... Меня... Нас... В общем, это твое право, Хай Левел, но я хочу, чтобы

ты подумал. И хорошо подумал. Лидия права, Кит, иди за ружьем.

Тот кивнул и поспешно вышел в сени.

– Казалось бы, пустячок: носить обручальное кольцо, – сказал вдруг сидящий на диване. – А ведь иногда оно может спасти жизнь.

– «Бездна», – прошептал Лева. – Джеймс Камерон.

– Я вижу, это твой любимый фильм, парень. Или как там тебя? Хай Левел? Хороший вкус, имя тоже вполне достойное. Хай Левел – это круто! Мой любимый фильм тоже «Бездна». Я, признаюсь, недооценил этот волнительный эпизод. Для непосвященных: главный герой мог утонуть в затопленном водой отсеке нефтяной платформы, но дверям с гидравлическим приводом помешало закрыться обручальное кольцо у него на пальце. Он просто вовремя подставил руку и спасся. Двери не смогли закрыться, и товарищи его освободили. Обручальное кольцо носить надо. Это сняло бы сейчас все вопросы. У меня есть жена, следовательно, я Киба. Но, увы! Я не могу этого доказать! А хотите знать, что случилось с моим кольцом?

– Ну? – выразила общее согласие Лидия.

– Когда мы с Верой поженились, было время тотального дефицита. За колбасой в Москву ездили, бананы видели только зелеными, и то по большим праздникам, тоже в Москве. Я иногда посылал маме в деревню гостинцы, добытые в городе, апельсины, к примеру, или шоколадные кон-

феты, а она мне в тех же ящиках отсылала теплые носки, которые сама вязала из овечьей шерсти, чеснок, домашнюю тушенку. Хозяйство у нее было большое. Однажды я заколачивал посылку, и обручальное кольцо, которое было мне велико, случайно туда упало. Так оно и ушло в деревню, к моей маме. Она хотела его вернуть, да я отказался. Сказал, что подожду, пока оно станет мне в самый раз. Но носить обручальное кольцо так и не вошло у меня в привычку.

– Ах, Рита, Рита... – простонал тот, что сидел в кресле. – Что же ты наделала? Я ведь об этом никому, кроме тебя, не рассказывал...

– Ловко вывернулся, – покачала головой Машенька.

– У Тычковского кличка Профессор, – устало заметили из кресла. – Он знает, что говорить и как, учтите это. И за каким чертом меня понесло в метель?

– Очень верное замечание, – откликнулся тип с дивана. – Куда нас понесло в метель? Тебя и меня? А главное, кого из нас убьют, тебя или меня? Интуиция мне подсказывает, что скоро начнутся разборки. Или они решат прикончить обоих? Для верности?

– Оба заткнитесь, – велела Лидия. – Решать не вам, а нам. Вас сюда никто не звал. Но раз уж так случилось... – она посмотрела на висящую в темном углу икону. – Теперь нас сам Господь и рассудит. Видать, на то была его воля.

Краткое интервью:

Владимир Тычковский, он же Профессор

Врач. Что вы чувствуете?

Тычковский. Ничего. Теперь уже ничего.

Врач. Что вы думаете обо мне и о предстоящем вам лечении?

Тычковский. Я думаю, что вы напрасно теряете время. Все это не имеет отношения ко мне. Вы ошибочно считаете, что я болен, меж тем я совершенно здоров. Более того, я абсолютно нормален, а вот вы... Скажите, вы всерьез считаете себя нормальным человеком? И что, по-вашему, есть норма?

Врач (мягко). Позвольте вам напомнить, что мы здесь с целью создать терапевтический альянс, или, иначе, команду для того, чтобы вас вылечить. Поэтому вы должны предоставить мне исходные данные, а не я вам.

Тычковский. Иными словами, вопросы здесь задаете вы? Так? Тогда я не на сеансе психотерапии, а на допросе. Думаете, я не знаю, что в моем случае такой метод лечения, как беседа, абсолютно бесполезен? У меня нет депрессии, если вы изволили это заметить. Я не потерял интереса к жизни, скорее напротив. И я как-нибудь сам в себе разберусь.

Врач. Я лишь пытаюсь вам помочь. Расскажите, кто вы, какие мысли вас посещают наиболее часто, какие желания. Вы упорно отрицаете свою болезнь, это типично для пациентов с вашим диагнозом. Я вас прошу: попытайтесь сосредоточиться.

Тычковский. Хорошо. Хотя мы с вами никогда не будем

одной командой. Мы слишком разные. Вы свободны, а я нет. Я сижу за решеткой, а вы вольны жить, где вам вздумается. Хотя на самом деле все наоборот. Это я свободен, а вы живете в тюрьме. Потому что вы существуете в мире условностей. По правилам, которые придумали люди ничуть не лучше нас с вами. Причем жили они давным-давно, в весьма примитивном мире. И их примитивные ценности почему-то должны иметь значение для людей цивилизованных. Таких, как я, которые свободно владеют компьютером, изучили труды ведущих психоаналитиков, иностранные языки, и вообще, пропустили через себя огромный объем информации, накопленной многими поколениями. В том числе и теми, что жили уже после тех примитивных людей, которые придумали правила поведения в обществе. Эти правила давно устарели.

Врач (живо). А убивать – это не примитивно?

Тычковский. Убийство есть самый рациональный способ решения любой проблемы. Потому что любая проблема так или иначе связана с человеком. Убивать легко, стоит только один раз попробовать. Не надо тратить время и деньги на развод, унижаться, угождая квартирной хозяйке, выслушивать ее бред, чтобы не поднимала арендную плату, ползая на коленях, выслуживаясь перед начальством, и так далее. Проще убрать человека, который тебе чем-то досадил. И какое-то время жить спокойно, в ожидании новых проблем. Потом опять убить.

Врач. Но вы убивали женщин. Не квартирную хозяйку и не начальника. И насиловали их.

Тычковский. Я делал им приятное перед смертью.

Врач (живо). Вы столь высокого мнения о себе как о любовнике?

Тычковский. На этом сломалась Абрамова.

Врач. Простите?

Тычковский. На этом вопросе сломалась Рита. Любопытство. Она, бедняжка, не знала, что такое оргазм. И я об этом догадался. Остальное уже было делом техники.

Врач. Вы знакомились со своими жертвами по Интернету. Вы застенчивы от природы?

Тычковский. Ищете у меня комплексы? Их нет. Я не застенчив. Мне всегда было легко познакомиться с женщиной. Что же касается знакомств по Интернету... Я ведь не трогал тех, кто полезен обществу. Кто способствует его оздоровлению. Я вам сразу скажу: женщина, у которой все в порядке, не полезет на известный свободой нравов сайт завязывать знакомства с мужчинами. Если она это делает, значит, она либо абсолютная дура, либо дура, которая ошибочно считает себя слишком умной. «Уж я-то не попадусь! – думает она. – Я-то распознаю, кто есть кто! Я всего лишь развлекусь, поиграю немножко в любовь. Ведь мне ах как скучно». Тот, кто ищет развлечений, рискует нарваться на серьезную неприятность. Признаюсь, они меня раздражали, особенно замужние. Если женщина размещает свою фотографию в купаль-

нике на сайте, куда заходят мужчины, значит, у нее в душе есть сомнение. Тому ли я отдала лучшие годы жизни? Не поздно ли все исправить? Надежда выйти замуж за принца не оставляет женщину и после того, как у нее родятся внуки, я в этом убедился. В сорок и в пятьдесят в сказки верят точно так же, как и в семнадцать. Только вера эта становится какой-то отчаянной, за гранью разумного. Идеальных людей нет, ни идеальных мужчин, ни идеальных женщин. В первые годы совместной жизни супруги больше внимания обращают на достоинства друг друга, но чем дальше, тем больше на недостатки, пока не начинают замечать одни лишь недостатки, забыв о достоинствах. И ищут: а нет ли кого получше? Причем, заметьте, ищут они точь-в-точь те же достоинства, которые были у мужа. Сколько раз замечал: второй муж копия первого, а третий – второго. И все возвращается на круги своя. Кстати, и с женами так же. Мужчину привлекает один и тот же тип женщин, в котором он со временем разочаровывается, но сделать с собой ничего не может. На других у него, грубо говоря, не стоит. Человек вообще одна сплошная нелепость. Он всегда уверен, что достоин жить лучше. И в поисках этого «лучше» люди делают себе только хуже. Иногда так плохо, что хуже уже и быть не может. Я их не убивал. Я избавлял их от сомнений. От вечного поиска.

Врач. То есть, по вашему мнению, вы их облагодетельствовали?

Тычковский. То, что сделал я, гораздо лучше для них, чем

то, что они делали сами для себя.

Врач. Хорошо, оставим эту тему. Поговорим о другом. Вы ведь раньше были офицером?

Тычковский. Вас интересует моя биография? Да, я окончил военное училище. Потом поехал в часть. Лет десять кочевал по дальним гарнизонам, а под конец меня перевели в Московскую область. Дали квартиру. Двухэтажный дом, больше похожий на сарай, то света нет, то воды. Зимой иногда отключали отопление. Я видел, как мучаются жены моих сослуживцев, особенно те, что с маленькими детьми, и потому не хотел жениться сам. Какой смысл вести в загс женщину, если заранее знаешь, что не можешь подарить ей праздник? А вот бытовые неудобства – сколько угодно. Я никого не обвиняю и ни на что не жалуюсь. Я солдат. Меня все в моей жизни устраивало. Я честно отслужил пятнадцать лет.

Врач. А что было потом?

Тычковский. Вышел в отставку.

Врач. Или вас попросили выйти?

Тычковский. Да, я попал под сокращение и после армии работал в охране, ездил в Москву. Сутки через трое – очень удобно. Зато у меня появилась масса свободного времени, особенно по ночам. Я стал много читать, занялся самообразованием. Ищите отправную точку? В какой момент нормальный, с вашей точки зрения человек, превратился в жестокого, опять-таки с вашей точки зрения, маньяка-убийцу? Я убивал и раньше. Когда был на службе. Только делал это на

вполне законных основаниях. Тогда это даже поощрялось.

Врач. Вы, похоже, очень нуждаетесь в поощрении. Вы сделали для себя это открытие еще в армии: убей – и получишь законную награду. Это последствия родовой травмы, которые проявились во время прохождения вами службы. Тогда вы и открыли для себя это состояние. Блаженство, не сравнимое ни с чем. Цепь замкнулась. Удовольствие навсегда связалось в вашем мозгу с пролитой кровью. С ее видом и запахом. Чем больше было крови, тем большее удовольствие вы испытывали.

Тычковский (с иронией). Сейчас я нуждаюсь в покое, не в поощрении. Эта беседа бессмысленна. Она меня утомила.

Врач. Вы не доверяете врачам?

Тычковский. Я еще не встретил ни одного профессионала. Человека, который понял бы суть проблемы: кто нормален, а кто нет. Точнее, кто полезен, а кто бесполезен для общества совершенно. Только человек, презирающий условности, может что-то изобрести, потому что любое открытие находится за гранью разумного. А вы тормозите прогресс. Я имею в виду вашу братию, психиатров и психологов. Психотерапевтов, которые вообще бесполезны. Наука, которой до сих пор не дано четкое определение, собирает вокруг себя таких же блуждающих впотьмах. Зато у них хорошо подвешен язык. (С иронией.) Они убедили всех, что это модно: ходить на сеансы к психотерапевту. В наше время мода берет верх над разумом. Люди скорее готовы платить за неудобства, чем

оказаться не в теме.

Врач. Вы понимаете разницу между психиатром и психологом? Между психологом и психотерапевтом?

Тычковский. Отлично понимаю. Психиатр, лишенный власти, своих мерзких таблеток и еще более мерзких ампул с отменной дрянью, называемой лекарством, электрошока и смирительных рубашек, вынужден заделаться психологом, потому что единственным доступным ему средством влияния на пациента остается беседа. Ты ведь хочешь выжить?

Врач. С кем вы сейчас разговариваете?

Тычковский. С тобой, Киба. Сколько часов мы провели вместе, за приятной в кавычках беседой, а? Ты работал, а я развлекался. Я знал, что рано или поздно сведу с тобой счеты, поэтому позволял тебе брать верх. Создавал видимость твоей победы. На самом деле я просто терпеливо ждал. Я знал, что судьба обязательно даст мне шанс. И не ошибся. Я разделался с Ритой так, как привык сводить счеты с женщинами. Но с тобой хочу разобраться, как пациент с врачом. Попробуй меня переиграть, если считаешь себя профессионалом. Мы ведь читали одни и те же книги, изучали труды одних и тех же специалистов по психиатрии. Только ты делал это, как врач, извне. А я, как пациент, изнутри. Из самой глубины болезни. И, уверяю тебя, я знаю об этом гораздо больше, потому что мои знания идут от нужды, от желания вылечиться. То есть у меня было такое желание, когда я приступил к изучению вопроса. Но потом я понял свою силу

и вашу слабость. Вы жалкие людишки. Вы просто боитесь Величия. Вот ты, Киба. Я же вижу, что ты боишься. Ты весь дрожишь от страха, в то время как я абсолютно спокоен. И мне необычайно интересно: что ты сейчас будешь делать? Я просто сгораю от любопытства...

Экспериментальный метод

– Наконец-то! – раздраженно воскликнула Лидия, когда на пороге комнаты появился Кит с ружьем в руке. – Что так долго?

– В чулане темно, – виновато сказал тот.

– Давно надо было вернуть лампочку помощнее! Сколько раз тебе говорила! Ладно, не об этом сейчас. Теперь, когда все в сборе, нам надо обсудить возникшую проблему. Итак, у нас незваные гости. Что будем с ними делать? Ты, – она ткнула пальцем в сидящего на диване, – будешь номер один. А ты, в кресле, номер два. Кит, держи их, на всякий случай, на мушке обоих.

Тот кивнул и крепко сжал ружье.

– Итак, один из вас маньяк, другой – его лечащий врач. Каждый из вас хочет сейчас быть врачом. Я думаю, пора кое-что прояснить. Во-первых, я Лидия.

– Очень приятно, – улыбнулся номер один. – А я...

– Молчать! – крикнула Лидия так, что все невольно вздрогнули. – Вот это – Кит, – она кивнула на своего сожителя. – Мой муж. И он сделает так, как я скажу.

– Это мы уже поняли, – вздохнул номер два.

– Это Машенька, – указала Лидия на медноволосую девушку. – И ее парень.

– Хай Левел, – важно представился Лева.

– Иностранец? – спросили из кресла.

– Кретин, – отозвался номер один. – Хакер.

– Я не хакер, – обиделся Лева. – Я никому ничего плохого не сделал. И закон не нарушал.

– Я зову его Левушкой, – нежно сказала Машенька.

– А она – Черная Пятница, – так же нежно улыбнулся Лева своей спутнице. – Но я зову ее Машенькой. И она не хакер. Мы не имеем никакого отношения ко взломам всяких там сайтов. Мы другие.

– Это же дурдом! – схватился за голову тот, что сидел в кресле.

– А я что говорю? – откликнулся номер один. – Тот же дурдом, но на выезде. Они же здесь все ненормальные.

– Ну, тогда за здоровье, товарищи! – раздался вдруг зычный голос Микоши.

Никто и не заметил, как он прокрался к комоду. Когда речь шла о выпивке, Микоша становился крайне изобретательным. Если в доме имелась водка или же ее спиртосодержащие аналоги, он способен был отыскать емкость в самом затейливом тайнике и употребить без зазрения совести и дозволения хозяев. Всю водку, которая только была на земле, Микоша всерьез считал своей и очень обижался, когда ему выговаривали за кражу.

Вот и сейчас, слившись со стенкой, он совершил незаметное для всех передвижение к комоду и, схватив стоящую там бутылку водки, проорал тост, после чего истово приложил-

ся к горлу. Все до капли в мгновение ока было проглочено Микошей.

– Кит... – простонала Лидия. – Почему ты ее не спрятал?!

– Что мое, то мое, – всерьез обиделся Микоша. – Я ее, голубушку, можно сказать, выстрадал. С утра готовился. Даже в баню ходил. Знал: у соседки сегодня наливают. А вы – прятать! Нехорошо, товарищи, не по-партийному. Коммунизм есть равенство и братство в распределении материальных благ, товарищи.

– Заткнись, идиот, – прошипела Лидия.

– Кажется, начинается, – поморщилась Машенька.

С каждой новой дозой Микоша становился все нахальнее. Если в начале застолья это был застенчивый пьющий интеллигент, то в середине он превращался в навязчивого собеседника, а под конец просто в пьяную скотину. Причем алкаш он был буйный. Засыпал только под утро, измотав всех и доведя до мордобоя. Сначала бить пытались Микошу. За хамство и навязчивость. И он, впад в пьяное безумие, становился необычайно силен и отвечал со всей серьезностью. Однажды, к примеру, неоднократно принявший ерша, водки с пивом, Микоша схватил отмокавшую в корыте с водой косу и пошел с ней на своих обидчиков. Чудом удалось избежать жертв, и деревенские кумушки теперь рассказывают непосвященным эту историю с юмором, хотя, когда Микоша бушевал, сжимая в руке наточенную косу, народу было не до смеха. Если бы не Кит, быть беде. Вот почему Лидия забес-

покоилась.

– Кит, сторожи его, чтобы не добрался до водки, – велела она.

Из вышесказанного Микоша понял только одно: в доме еще есть водка. С этого момента все его мысли были только об одном: где?

– Алкоголик, – прокомментировал номер один. – Совсем неинтересно.

– Это я-то неинтересен? – обиделся Микоша. – Да я здесь самая выдающаяся личность, в этой дыре! Я вам сейчас расскажу одну историю...

– Микоша, уймись, – поморщилась Лидия.

– Можно уточнить? – спросил номер один.

– Валяй, – кивнул Кит.

Лидия посмотрела на него с удивлением. Проявление инициативы было вовсе не свойственно ее сожителю, обычно он лишь беспрекословно выполнял приказы своей второй половины.

– У вас здесь что, клуб по интересам? – задал свой вопрос номер один.

– Че он мелет? – наморщил низкий лоб Кит.

– Это он, Коля, так шутит.

– Именины мы празднуем, – охотно пояснил Микоша. Сейчас он находился в пограничном состоянии. Ему было хорошо, и он ожидал продолжения банкета. Он уже знал наверняка, что водка в доме есть.

– А я уж подумал, что попал в клуб маньяков-убийц! Не позволите ли и мне вступить в его члены? – сидящий на диване мужчина привстал и нагнул голову, изображая поклон.

– Здесь нет никаких маньяков, – звенящим голосом сказала Машенька. – Только несчастные люди.

– Что же касается убийц... – Лидия выразительно посмотрела на Кита.

– Ну, я отсидел пятнадцать лет за убийство, – мрачно подтвердил тот. – Поэтому никакой милиции не будет. И не мечтайте. Знали бы вы, как я ментов ненавижу! – Кит скрипнул зубами.

– Они не из милиции, – напомнил Лева. – Они из дурдома. Один из них врач.

– Тогда ты должен помнить, что эти врачи сделали с нами! – крикнула Машенька. – Я никому не позволю звонить в психушку! Сдать своего?! – она обвела друзей горящими глазами.

– Ты забываешь, девочка моя, что он убийца-маньяк, – тихо напомнила ей Лидия. – Мы-то никого не убивали, только вот он, – кивнула она на Кита. – Но Коля давно раскаялся и искупил свою вину.

– Все равно, – заупрямилась Машенька. – Пусть идет, куда хочет. Это не наше дело.

– Куда же он пойдет? – вздохнул Микоша, поняв, что водка, судя по всему, спрятана не в доме, а в сених. Или в чулане. – Что ж, выгнать его на мороз? – Он пошевелил остав-

шимися пальцами левой руки.

– А мы никого сюда не звали, – заметила Машенька. – Пусть идут оба.

– Быть может, вы позволите нам остаться на ночь? – спросил номер два. – Это же верная смерть – идти куда-то в такую метель. Там не видно ни зги, а спасатели – хорошо, если к утру сюда доедут.

– Здесь есть еще один жилой дом. На другом конце деревни, – напомнил Лева. – Вы можете пойти туда.

– Никто никуда не пойдет, – вдруг жестко сказала Лидия. – Они оба останутся тут до утра. До выяснения обстоятельств.

– Милиции не будет! – лязгнул зубами Кит.

– Коля, ты что?! – уставилась на него сожительница.

– Я сказал – не будет!

Его нижняя челюсть заходила ходуном. При упоминании о милиции и об отсидке Кит совершенно изменился. Видимо, тема эта в доме была запретной, а незваные гости потревожили память бывшего уголовника, задели его за живое. И обычно спокойный и уравновешенный Кит вдруг занервничал.

– Ладно, ладно, успокойся, – сразу же сменила тон Лидия. – В милицию никто звонить не собирается. Они заночуют здесь, а утром каждый пойдет своей дорогой.

– А если они друг друга за ночь поубивают? – предположил Лева. – Уж я-то знаю, как поступил бы, окажись со мной

в одном доме мой лечащий врач! Ночью. Один, без санитаров. Безоружный.

– Тихо, Хай Левел! – велела Машенька. – Успокойся!

– Сама успокойся. Я же вижу, ты вся дрожишь. Где твои таблетки?

– Мне не нужны таблетки!

– А что ж у тебя щеки покраснелись?

– Да ты на себя посмотри!

– Надо не таблетки пить, а... – встрял в разговор Микоша.

– Заткнись! – хором сказали Машенька слевой.

– Если не хочешь со мной поссориться, в психушку ты не позвонишь, – решительно сказала Машенька Лидии. И тут Лева ее поддержал:

– Я за. То есть против. Никаких санитаров, иначе я за себя не отвечаю.

– Как хотите, – натянуто сказала Лидия. – Но вы даже не представляете всей опасности...

– Да ты сама там лежала! – разгорячилась Машенька. – Так и тебя можно назвать опасной. И меня. Да кого угодно!

– Точно, – хмыкнул Лева.

– За это надо бы выпить, – намекнул Микоша.

– Милиции не будет! – набычившись, рявкнул Кит.

Все это время оба гостя внимательно прислушивались к разговору. Позы у них были напряженные, а один незаметно для всех шарил по карманам, явно пытаясь что-то отыскать. Хозяева же положения были так увлечены перепалкой, что

на время ослабили контроль. А зря.

– Успокойтесь все, – примирительно сказала наконец Лидия. – Не хотите – не будем никуда звонить. Но мы их для верности запрем, одного в чулане, другого в горенке, чтобы они друг друга не поубивали. И маньяк не тронул бы нас. Кто знает, что у него на уме? Рядом с Колей я лично ничего не боюсь, но запереть их на всякий случай надо.

– Знать бы еще наверняка, кто из них кто? – еле слышно вздохнула Машенька.

И в этот момент гость номер два, тот, что сидел в кресле, проявил неожиданную прыть. Он вдруг вскочил и кинулся на своего оппонента на диване. Стащил его на пол и стал дубасить.

– Убью... – хрипел он. – Сволочь...

Тот не растерялся и попытался дать отпор. Завязалась самая настоящая драка. Лидия закричала, Машенька завизжала, Лева заулюлюкал, Микоша по привычке втянул голову в плечи, а Кит, положив на пол ружье, кинулся разнимать дерущихся. Пальцы второго гостя упрямо тянулись к горлу лежащего под ним противника. Тот хрипел и отбивался, причем небезуспешно. Потом вдруг собрался с силами и провел болевой прием. Ему удалось на время отключить нападавшего и, пока тот приходил в себя, взять верх в этой схватке. Оседлав гостя номер два, номер один с азартом принялся наносить ему удары.

– Прекратите! Кит! Кит! – топала ногами Лидия.

Тот схватил за шиворот верхнего из дерущихся мужиков, того, кто в данный момент явно побеждал, напрягшись, приподнял и отшвырнул, как котенка, в сторону дубового стола. Звякнули стаканы, на пол упала вилка. Не растерявшаяся Машенька схватила лежащее на полу ружье и приставила к голове гостя номер один.

– Лежать! – сказала она звенящим голосом.

Второй гость сел на полу и хрипло сказал:

– Черт с вами. Я – Тычковский.

Первый, несмотря на то что к его голове было приставлено ружье, через боль рассмеялся: его губа была разбита.

– Надо же! Признался!

– Машенька, девочка, отдай мне ружье, – ласково попросила Лидия.

– Да, Пятница, ты бы не играла с огнем, – поддержал ее Лева.

Машенька невидящими глазами посмотрела на них. Руки ее крепко сжимали отполированный руками Кита приклад.

– Это не твой метод. – Лева решил к ней подойти и тихо попросил: – Отдай.

Она послушалась. Забрав у Машеньки ружье, Лева перевел дух и спросил у Лидии:

– Ну, и что дальше?

– Тычковский, говоришь? – посмотрела та на гостя номер два.

– Не хочешь, не верь, – пожал плечами он.

– Кит, верни их на место, – попросила Лидия.

Кит подошел к тому, что лежал у стола, и, рывком подняв, поставил его на ноги. Что-то звякнуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.